

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редація и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголь Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1887.

ПОЪЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

(Путевые наброски).

I.

Отъѣздъ.—Попутчики.—Петровскъ.—Каспійское море.

Я служилъ въ К.... полку, квартировавшемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Терской области, на Кавказѣ.

Въ ноябрѣ 1880 года меня прикомандировали въ Д.... пѣхотный полкъ. Онъ находился въ Закаспійской области и составлялъ часть отряда, которымъ командовалъ генераль Скобелевъ. Пока я покончилъ счеты съ полкомъ, гдѣ служилъ ранѣе, и заготовилъ вьюки, бурку, погребецъ и тому подобную мелочь, необходимую въ походѣ, старый годъ миновалъ и наступилъ 1881. 14 января я простился съ родными и выѣхалъ изъ города Г.... Выдался солнечный денекъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней, а почтовые лошади быстро несли меня по укатанной дорогѣ. Ямщикъ весело посвистывалъ, помахивая кнутомъ. Вордны испуганно слетали съ дороги, дѣлали лѣнливые взмахи крыльями и садились на кусты и на ближайшіе курганы.

По дорогѣ встрѣчались печально обнаженные кустарники боярышника; на нихъ кой-гдѣ висѣли желтые листья. За кустарниками разстилалось холмистое, бѣлоснѣжное поле; на горизонтѣ рисовались горы; а за ихъ вершинами, сіявшими алмазною гранью, картинно опускалось ясное небо. Дорога не отличалась оживленностью. Иногда выбѣгалъ изъ кустовъ робкій заяцъ, или показывалась въ сторонѣ рыжая проворная лисица.

Я предался воспоминаніямъ..... Въ душѣ моей возникали одна за другой картины разлуки, образы дорогихъ и покинутыхъ лицъ. Въ нихъ отзывались звуки напутственныхъ пожеланій и рыданія.... Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, мнѣ стало грустно; но ненадолго. Молодость скоро взяла свое. Надежда и даже увѣренность, что я увижу снова все, что покинулъ, подкрѣпили меня.

Кустарники боярышника, дубы и орѣшники становились все

мельче и рѣже. Наконецъ открылась долина. По ней извивалась Аргунь, быстрая и довольно глубокая рѣчка. Красивый мостъ на чугунныхъ сваяхъ соединялъ обрывистые берега рѣчки.... Громадный чеченскій аулъ Устаръ-Гардой виднѣлся за мостомъ. Изъ трубъ вились тонкія струйки дыма. По дорогѣ, выходившей изъ лѣса, тянулся со скрипомъ цѣлый караванъ арбъ, нагруженныхъ дровами. Около арбъ шли чеченцы въ рваныхъ тулупахъ, овчинныхъ папахахъ и чевякахъ. Длинными прутьями погоняли они тощихъ быковъ.

— Саукъ *), кунакъ, крикнулъ ямщикъ.

— Яхши **), отозвался чеченецъ, тряхнувъ плечами.

— Имъ и холодъ ни почемъ, замѣтилъ иронически ямщикъ;— сказано: шайтаны.

Я подѣхалъ къ длинному дому, обнесенному высокою плетевой изгородью. Это была почтовая станція. На крыльцѣ меня встрѣтилъ станціонный смотритель, невысокій, сутуловатый старичокъ съ добродушнымъ лицомъ. На немъ былъ короткій полушубокъ, валенки и шапка изъ сѣрыхъ смушекъ. Я отдалъ ему дорожный бланкъ.

— Сейчасъ лошади будутъ, сказалъ онъ. Вскорѣ раздался звонъ почтоваго колокольчика, и какой-то господинъ вошелъ въ комнату. Его смуглое, полное и румяное лицо съ оттѣнкомъ торговой изворотливости, каріе глуповатые глазки, густыя, почти сросшіяся брови, длинный выпуклый носъ, крупныя губы и особенная интонація въ голосѣ—ясно говорили, что это восточный человѣкъ. Пріѣзжій отрекомендовался мнѣ купцомъ Мамаджановымъ.

— Далеко вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Въ Петровскъ.

— Я тоже въ Петровскъ.—Поѣдемте вмѣстѣ, дешевле станетъ...

Подумавъ немного, я согласился. Въ комнату вошелъ смотритель и сказалъ, что лошади готовы.

Снѣгъ повалилъ густыми хлопьями, когда мы выѣхали со станціи. Вѣтеръ усиливался и дулъ прямо въ лицо. Я закутался въ бурку и надвинулъ башлыкъ. Лошади бѣжали мелкой рысцою, колокольчикъ гудѣлъ. Я началъ дремать, а потомъ и заснулъ.

Громкій говоръ разбудилъ меня. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что сани стояли. Впереди виднѣлась широкая рѣка, покрытая льдомъ. По берегамъ росъ мелкій кустарникъ, а за нимъ чернѣлъ

*) Холодно.

**) Хорошо.

высокій лёсъ. На берегу стоялъ мой попутчикъ и спорилъ о чемъ-то съ ямщикомъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Вотъ бѣда, обратился ко мнѣ Мамаджановъ,—нельзя ѣхать дальше, на рѣкѣ нѣтъ проѣзжаго слѣда.

Я посовѣтывалъ ѣхать прямо на авось.

— Чтò вы? возразилъ попутчикъ:—Кавказскія рѣчки капризны, точно барышни. Съ ними нужно быть осторожнымъ.

Мы стояли у рѣки около часу. Къ счастью, на противоположномъ берегу показалась тройка. Она проѣхала по льду, а по ея слѣду переѣхали и мы.

Было темно, когда мы прибыли въ слободу Хасавъ-Юртъ. На станціи мой попутчикъ потребовалъ самоваръ, угостилъ меня великолѣпнымъ кахетинскимъ виномъ, которое онъ везъ изъ Тифлиса домой. Мамаджановъ оказался веселымъ собесѣдникомъ, и я пріятно провелъ съ нимъ вечеръ. На другой день, едва мы успѣли проснуться, въ комнату къ намъ вошелъ тонкій и косою еврей съ плутоватою рожей. Онъ объявилъ, что, по случаю проѣзда „важнаго полковника“, лошадей не будетъ. У моего попутчика оказался въ Хасавъ-Юртѣ знакомый, къ которому онъ и пошелъ. Я остался одинъ на станціи. Мнѣ стало скучно. Отъ нечего дѣлать я пошелъ бродить по Хасавъ-Юрту. Эта слобода не можетъ привлечь ничьихъ взоровъ. Вся она состоитъ изъ кривыхъ, немощеныхъ улицъ съ плохими домиками, крытыми то тесомъ, то черепицей, то камышемъ. Недалеко отъ церкви я встрѣтилъ нѣсколько памятниковъ, поставленныхъ въ честь убитыхъ героевъ во время кавказской войны. На обратномъ пути я зашелъ въ первую попавшуюся мнѣ лавку, чтобы купить папирось. Здѣсь я встрѣтилъ попутчика.

— Я не могу ѣхать съ вами до Петровска, сказалъ онъ мнѣ. Богъ даровалъ сына моему знакомому, и меня просятъ быть крестнымъ отцомъ.

Мы дружелюбно разстались. На крыльцѣ станціи меня встрѣтилъ офицеръ средняго роста со смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ короткими черными баками.—Онъ протянулъ мнѣ руку, и мы познакомились.

— Вы ѣдете въ отрядъ Скобелева? спросилъ онъ. Не желаете ли ѣхать вмѣстѣ?

Я согласился. Въ два часа дня мы выѣхали изъ Хасавъ-Юрта. Дорогой встрѣчались рѣчки; переправа черезъ нихъ задерживала насъ, такъ что мы только въ девять часовъ вечера приѣхали въ Чиръ-Юртъ. Мнѣ пришлось и здѣсь заночевать, потому что смотритель не давалъ дальше лошадей.

— Впереди крутой подъемъ на гору, сказалъ онъ, и дорога въ темнотѣ не безопасна.

Дѣлать было нечего. Приходилось мириться со всякими дорожными приключеніями. Мы расположились въ комнатѣ для прѣзжающихъ на станціи.

— Вы бывали въ Петербургѣ? спросилъ меня попутчикъ.

— Нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, слышали про фамилію Мижайловыхъ?

— Нѣтъ.

— Я имѣю честь принадлежать къ этой фамиліи; удивляюсь, какъ въ провинціи неизвѣстна эта фамилія. Моя тетушка—фрейлина, а батюшка—членъ государственнаго совѣта, притомъ, богачъ и человѣкъ дѣловой. Не желаете ли коньяку столичнаго?

Я отказался. Тутъ попутчикъ понесъ длинную рѣчь о прелестяхъ столичной жизни, о балахъ, балетахъ, театрахъ, скачкахъ... Чѣмъ онъ кончилъ, не знаю; его хвастливая болтовня, какой обыкновенно щеголяютъ въ провинціи петербургскіе хлыщи, навѣяла на меня дремоту; я не дослушалъ и заснулъ.

На другой день рано мы выѣхали изъ Чирь-Юрта. Эта слобода расположена въ лощинѣ, среди голыхъ и угрюмыхъ скалъ.

Дорога отъ Чирь-Юрта поднималась круто въ гору. Я ѣхалъ въ бричкѣ, потому что санной дороги не было. Попутчикъ, вѣроятно, по праву столичнаго превосходства, занялъ почти всю бричку, такъ что мнѣ было очень неудобно. Справа громоздились высокія горы, покрытыя лѣсомъ, слѣва—нагія возвышенности. У подошвы горъ извивался дикій и бурный Сулакъ.

— А вотъ и Шура, сказалъ ямщикъ.—Высокій зеленый куполъ церкви мелькнулъ и скрылся. Мы въѣхали въ ущелье. Мѣстоположеніе этого городка очень живописно. Онъ пріютился возлѣ горы, опоясанный садами и дачами. Мы остановились въ гостинницѣ „Кавказъ“. Попутчикъ заказалъ обѣдъ, а я отправился къ начальнику области, чтобы узнать отъ него: есть ли сообщеніе между Петровскомъ и Красноводскомъ.

Начальникъ области сказалъ, что 23 января ожидается въ Петровскъ шхуна „Волга“; а 24-го она отправится въ Красноводскъ. Мой попутчикъ рѣшилъ ѣхать на Баку.

Когда я вернулся въ гостинницу, онъ сидѣлъ за столомъ и пилъ вино.

— Ну, чтò? спросилъ онъ меня.

Я передалъ ему слова начальника области.

— Гм... промычалъ попутчикъ.—Вы понимаете, что если мы опоздаемъ къ штурму Геокъ-Тепе, для насъ все потеряно.

— Я, по крайней мѣрѣ, ничего не теряю.

— Понимаемъ... здѣсь выступаетъ патриотизмъ, чувство этакъ... Попутчикъ поигралъ по воздуху пухлыми пальцами, унизанными кольцами.

Мы съ минуту помолчали.

— Такъ вы не ѣдете на Баку?

— Нѣтъ.

— Гм... странно... Отчего не воспользоваться штурмомъ, не понимаю. Но зачѣмъ непремѣнно подставлять свой лобъ подъ пулю, становиться въ ряды штурмующихъ? Можно избрать иную комбинацію и получить награду. Хотите: я васъ научу?

Я поблагодарилъ и отказался отъ совѣта.

Попутчикъ нахмурилъ брови и послалъ за почтовой тройкой. Весь обѣдъ мы проиграли въ молчанку. Черезъ полчаса онъ уѣхалъ, едва протянувъ мнѣ на прощанье руку. Слуга принесъ мнѣ счетъ.

— Развѣ этотъ господинъ, что обѣдалъ со мной, ничего не заплатилъ вамъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нѣтъ.

Мнѣ пришлось заплатить въ гостинницѣ за себя и за милаго попутчика, у котораго и тетушка—фрейлина, и батюшка—въ „государственномъ совѣтѣ“.

Я выѣхалъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ четыре часа. Великолѣпное шоссе тянулось прямой стрѣлой. На горизонтѣ замѣчались неясное очертаніе горъ. На послѣдней станціи къ Петровску я ночевалъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть днемъ на Каспій. Я никогда въ жизни не видалъ моря, и былъ знакомъ съ нимъ: въ дѣтствѣ по бабушкинымъ сказкамъ, а потомъ—по учебнику географіи.

Надежда моя не сбылась; когда я въѣхалъ на гору, съ которой долженъ былъ открыться видъ на море, густой утренній туманъ покрывалъ землю. Сквозь него невозможно было различить даже близкихъ предметовъ. Только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровска туманъ разсѣялся и выглянуло солнце. Высокій, бѣлый маякъ, устроенный на горѣ, царилъ надъ зданіями города.

Остановившись въ гостинницѣ, я пошелъ взглянуть на море. Оно было покойно... Приливъ тихо омывалъ низкій берегъ, усѣянный разноцвѣтными раковинами. Отъ каменистаго мола, о который ударялись волны, разлетались сѣдя брызги... Дикія утки, недалеко отъ берега, плескались и ныряли. Въ голубой бухтѣ стояли на якорѣ два парусныя судна. Море тянулось на небо-

зримую даль; казалось, оно поднимается все выше къ горизонту. Петровскъ спускался къ морю амфитеатромъ и казался гораздо красивѣе, чѣмъ тогда, когда я подъѣзжалъ къ нему.

Я прожилъ въ Петровскѣ нѣсколько дней. Городъ не великъ и не красивъ внутри. Изъ улицъ порядочная только та, которая ведетъ къ пристани. На ней встрѣчаются красивыя зданія; здѣсь же сосредоточивается торговая дѣятельность города. Остальная часть его пустынна, грязна и бѣдна. Я ожидалъ больше отъ Петровска, какъ отъ портового города. Шхуна „Волга“ запоздала и пришла въ Петровскъ только 27 января.

II.

Отплытіе.—Буря на морѣ.—Глинтвейнъ.—Подводный кабель.—Ночь на морѣ.—Красноводскъ.—Видъ города.—Отецъ Андрей.—Отдѣленіе Краснаго креста.—Киргизы.

Въ девять часовъ утра, 28 января 1881 года, шхуна „Волга“ дала свистокъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она начала тихо отчаливать отъ пристани. Было что-то трогательное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное въ этой разлукѣ... Офицеры и солдаты толпились на палубѣ; въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ говора...

Экипажъ шхуны состоялъ изъ капитана, его помощника, машиниста и матросовъ—персіянъ. Капитанъ былъ плотный мужчина средняго роста, съ полнымъ лицомъ. Бѣлые, какъ лунь, волосы очень шли къ нему и придавали всей его фигурѣ внушительный видъ. Онъ казался несообщительнымъ и угрюмымъ морякомъ.

Шхуна вышла въ открытое море; день стоялъ хорошій и теплый. Съ яснаго неба привѣтливо свѣтило солнце, съ моря вѣяло пріятной свѣжестью. Легкій попутный вѣтерокъ подгонялъ судно. Шхуна быстро скользила по гладкимъ волнамъ, оставляя зади широкую пѣнящуюся полосу.

Петровскъ уже исчезъ изъ виду, точно утонулъ въ морѣ. Офицеры гуляли по палубѣ, разговаривая между собой о разныхъ пустякахъ. Солдаты готовились къ завтраку. Персіяне сидѣли на тюкахъ и пѣли, чтò доставляло удовольствіе солдатамъ.

— Славно поетъ персюкъ, а ну, спой еще, подтрунивалъ ктонибудь изъ солдатъ.

Персіяннинъ заливался наконецъ такъ, что возбуждалъ хохотъ всѣхъ пассажировъ.

Въ одиннадцать часовъ былъ сервированъ на палубѣ завтракъ

для офицеровъ, изъ нѣсколькихъ блюдъ, очень вкусно приготовленныхъ. Послѣ завтрака, нѣкоторые офицеры сѣли играть въ карты, другіе улеглись на палубѣ. Я слушалъ, какъ пѣли солдаты. Лихо раздавалась на морѣ русская пѣсня, то заунывная, то веселая. Одинъ изъ солдатъ отчеканивалъ „Комаринскую“, подъ звуки бубна и скрипки.

Я не замѣтилъ, какъ прошелъ день и начало смеркаться. Въ шесть часовъ вечера былъ поданъ въ каютѣ ужинъ. Я остался на палубѣ, потому что почувствовалъ въ это время головокруженіе. Причиной была качка шхуны, которая къ ночи усилилась. Я началъ употреблять средства, какія рекомендовали мнѣ на этотъ случай: ѣлъ фрукты, пилъ ромъ,—ничто не помогало. Я развернулъ матрацъ и прилегъ. Мнѣ стало лучше... Ночью поднялась буря. Вокругъ царилъ густой зловѣщій мракъ. Холодный, порывистый вѣтеръ трепалъ паруса, гротъ-мачта скрипѣла. Волны бились о борты шхуны. Капитанъ наблюдалъ за барометромъ. Шхуна поднималась то высоко вверхъ, то стремительно опускалась внизъ. Винтъ машины стучалъ равномерно. Буря усилилась. Капитанъ стоялъ передъ компасомъ и отдавалъ приказанія лощману.

Офицеры громко хохотали, когда шхуна грозила иной разъ выкинуть насъ за бортъ. Вдругъ на палубѣ раздался грохотъ... Сундуки, походные вьюки, самовары и посуда опрокинулись. Громкая волна залила палубу. Дружный хохотъ огласилъ воздухъ. Всѣ вскочили, облитые водой. Я ощущалъ во рту горько-соленый вкусъ. Волна унесла мою фуражку и еще кой-какія вещи у другихъ офицеровъ. Волосы на головѣ моей слиплись. Я сошелъ въ каюту. Она была переполнена пассажирами. Одни лежали, другіе—блѣдные и усталые—сидѣли, опустивъ печально головы. Я не могъ сомкнуть глазъ всю ночь и безцѣльно ходилъ то изъ каюты на палубу, то обратно.

Къ десяти часамъ утра буря стихла. Но море представляло еще грозный видъ. Сѣрыя волны яростно вздымались, сталкиваясь одна съ другой, и съ пѣной опускались въ клокотавшее море. Наконецъ изъ-за свинцовыхъ тучъ выглянуло солнце. На небѣ начали проясняться голубоватые клочки. Офицеры, въ честь благополучнаго окончанія бури, устроили глнтвейнъ, на который пригласили капитана, его помощника и машиниста. Глнтвейнъ скоро развеселилъ публику, собравшуюся на палубѣ. Говоръ, смѣхъ не умолкали. Капитанъ рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, гдѣ онъ служилъ ранѣе; одинъ офицеръ смѣшилъ общество анекдотами; машинистъ началъ съ

разказа о механизмѣ машины, но скоро сбился и съѣхаль на подводный кабель.

— Желаете, господа, я покажу вамъ подводный кабель, сказалъ машинистъ:—пойдемте за мной. Я съ двумя офицерами сошелъ по узкой и кругой лѣстницѣ въ глубь шхуны, гдѣ стояла машина, около которой находились рабочіе. Здѣсь чувствовалась нестерпимая жара отъ раскаленныхъ печей, гдѣ яркимъ пламенемъ горѣла нефть. Рабочіе въ засаленныхъ блузахъ и фартукахъ чистили машину, подливали подъ винты масло. Я удивлялся, какъ могли они переносить такую жару.

— Вотъ, господа, вамъ и кабель, сказалъ машинистъ.

Мы съ любопытствомъ взглянули на черный цилиндръ, который держаль онъ въ своихъ рукахъ.

— Кабель, началъ машинистъ, состоитъ изъ проволоки, въ видѣ телеграфной; проволока изолирована въ гуттаперчевую трубку, а трубка снаружи обмотана осмоленной веревочкой...

При этихъ словахъ, до нашего слуха донеслось пѣніе. Пѣли „Нелюдимо наше море“... Мы оставили машиниста и поспѣшно вышли на палубу.

Гармоничные звуки пѣсни звонко отражались въ чистомъ и свѣжемъ волдухѣ. Густой басъ съ душой и красиво выводилъ соло:

Будеть буря, мы поспоримъ...

Хоръ дружно подхватилъ:

Смѣло, братья, вѣтромъ полный...

На палубѣ было очень весело. Даже персіянинъ - лопманъ увлекся общимъ веселіемъ и запѣлъ что-то по персидски, по, возбудивъ общій смѣхъ, сконфузился и замолкъ.

Глинтвейнъ продолжался цѣлый день. Къ завтраку никто не касался, а за обѣдомъ было съѣдено только пирожное.

На слѣдующій день, когда я проснулся, шхуна стояла уже на якорѣ, въ виду Красноводска. Тишина, царившая вокругъ, производила глубокое впечатлѣніе. Красноводскъ дремалъ въ утреннемъ прозрачномъ туманѣ. На скалистыхъ горахъ, его окружавшихъ, горѣлъ уже лучъ восходящаго солнца. Голубая бухта тихо омывала отлогій берегъ, точно боясь нарушить сонъ мирныхъ гражданъ. Деревянная коричневая церковь въ русскомъ стилѣ, нѣсколько бѣлыхъ каменныхъ зданій, бараки—придавали Красноводску красивый видъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города стоялъ подвижной составъ вагоновъ.

Я сошелъ на пристань. Отъ нея во всѣ стороны расходилась конно-желѣзная дорога. Невысокій офицеръ съ перевязанной ру-

кой отдавалъ солдатамъ приказанія, чтобы они сносили свои вещи въ маленькіе вагоны конки. Я пошелъ по берегу, устѣянному мелкими камнями. Около вагоновъ, которые отведены были для солдатъ и офицеровъ, за неимѣніемъ помѣщеній въ городѣ, копошились солдаты. Одни разводили огни для варки пищи, другіе ставили фургоны и лошадей къ мѣсту, третьи покуривали трубочки. Я помѣстился съ офицерами въ отдѣльномъ купѣ; откуда открывался великолѣпный видъ на море. Я долго любовался и голубою лазурью бухты, и далью необозримаго моря. Мнѣ нравилось слушать приливы воды, наблюдать за удочкой маленькаго шалуна, пріотившагося на берегу съ ведеркомъ, или глядѣть на пристань, около которой покачивалась на якорѣ наша шхуна. Я напился чаю и пошелъ въ городъ, чтобы навѣстить знакомаго батюшку, отца Андрея.

— Давненько, давненько не видались, сказалъ отецъ Андрей, дружески пожимая мнѣ руку.—Какими судьбами здѣсь?!

Я сказалъ, что ѣду въ отрядъ Скобелева. Отецъ Андрей былъ симпатичный старикъ, высокаго роста, съ длинной бородой. Сѣдые волосы его были заплетены сзади въ двѣ жиденскія косички. На немъ былъ сѣрый камлотовый подрясникъ и на груди крестъ.

— Какъ поживаете, батюшка? спросилъ я.

— Плохо. Приходь малъ, доходу нѣтъ... Ну, водочки выпьешь? Я отказался.

— Не пьешь?... Значить, не привыкъ къ службѣ. А я, ради гостя, пропущу одну.

Отецъ Андрей вынулъ изъ шкафа зеленый графинчикъ и приставилъ его къ губамъ. Онъ медленно тянулъ горькую влагу и, видимо, наслаждался этимъ процессомъ.

— Казенная квартира у васъ? спросилъ я, окинувъ взглядомъ суровую обстановку комнаты.

— Да...

Тутъ отца Андрея позвали на требу. Мы разстались.

Я вышелъ на площадь, гдѣ стоятъ гауптвахта, госпиталь и и еще какія-то казенныя зданія. Не весело было на душѣ моей. Мнѣ стало жаль отца Андрея. „Можетъ быть,—думалъ я,—онъ въ юные годы лелѣялъ мечту объ иной жизни и не думалъ прозябать въ отдаленномъ, глухомъ захолустѣ, гдѣ человѣкъ мельчаетъ, гдѣ гложуть честные порывы его души, гдѣ царитъ пошлая и ничтожная жизнь“. Я прожилъ въ Красноводскѣ нѣскольکو дней; часто заходилъ къ отцу Андрею, но рѣдко заставалъ его дома. Когда мы были вмѣстѣ, разговоръ нашъ не отличался веселостью. Отецъ Андрей всегда почти былъ мраченъ.

— Вы похлопотали бы перевестись въ другое мѣсто, сказалъ я.

Онъ только махнулъ рукой.

— Протекція, голубчикъ, нужна, а у меня никого нѣтъ; я даже не знаю, живы ли мои родные...

Тутъ отецъ Андрей грустно опустилъ голову. Нѣсколько слезъ скатились по его худымъ щекамъ.

Я простился съ нимъ, едва сдерживая слезы; крѣпко было жаль мнѣ этого старика; онъ, какъ послѣ узналъ я, пилъ „мертвую чашу“.

Въ Красноводскѣ находилось отдѣленіе Краснаго креста. Оно выдавало даромъ воинскимъ чинамъ теплую одежду: полшубки, фуфайки и т. п., что принесло громадную пользу для отряда. При отдѣленіи находилось нѣсколько сестеръ милосердія.

Въ Красноводскѣ привлекаютъ вниманіе киргизы. Они низкаго роста, сухощавы,—одѣты въ оборванные тулупы, но ловкіе наѣздники, чѣмъ вообще отличаются степные народцы.

Однажды я встрѣтилъ киргиза. Онъ взглянулъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Урусъ яхши, теке яманъ.

Киргизъ, какъ видно, хотѣлъ польстить моему національному самолюбію.

— А киргизъ яхши? спросилъ я.

— Киргизъ яманъ, урусъ яхши!

Съ этими словами киргизъ пришпорилъ лошадь и понесся вдоль берега, точно стрѣла, пущенная изъ лука.

Наконецъ я получилъ увѣдомленіе, что пароходъ „Карамзинъ“ отходитъ въ Михайловскій заливъ.

А. В—въ.

(Окончаніе будетъ).

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІИ И УЧЕНЫИ,

ИЗДАВАЕМЫИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТОИ.

№ 11. НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редація и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголь
Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, нв. 14.

1887.

ТИПОГРАФІА И ХРОМОЛИТОГРАФІА А. ТРАИШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

ПОЪЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

(Путевые наброски).

III.

Михайловскій заливъ.—Вечеръ у контрольнаго чиновника.—Дорога отъ Михайловскаго залива до Балла-Ишемъ.—Укрѣпленіе Балла-Ишемъ.—Видъ воинскому начальнику.—Жизнь въ Балла-Ишемѣ.

Въ двѣнадцать часовъ ночи, пароходъ „Карамзинъ“ отчалилъ отъ Красноводской пристани. Онъ долженъ былъ выйти въ два часа, но матросы, получивъ въ тотъ день жалованье, перепились и подняли драку. Капитанъ парохода въ наказаніе приказалъ отчаливать въ полночь.

Я помѣстился въ уютной и прекрасно меблированной каютѣ. Офицеры, ѣхавшіе со мною по Каспійскому морю, остались въ Красноводскѣ, потому что была получена телеграмма: „пріостановить движеніе войскъ, слѣдовавшихъ для пополненія Закаспійскаго отряда“. Но я былъ не одинъ. Въ каютѣ находился еще пассажиръ, котораго я принялъ сначала за вольноопредѣляющагося. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ, заложивъ назадъ руки и грустно опустивъ голову. На немъ былъ короткій полушубокъ, длинные сапоги и фуражка. Я не рѣшался тревожить его, легъ на узкій диванъ, обитый полубархатомъ, и скоро заснулъ...

Утромъ я вышелъ на палубу. Мрачный господинъ пилъ кофе. Онъ взглянулъ на меня изподлобья. Въ воздухѣ вѣяло свѣжестью. Я смотрѣлъ на восходящее солнце, на маленькіе песчаные островки, разбросанные по Михайловскому заливу. Ѣхать было покойно,—не то, что на морѣ. Ни одна волна не нарушала тишины залива, маленькій вѣтерокъ слегка рябилъ воду. Позади парохода разстилалась прямая пѣнящаяся полоса и походила на бѣлую ленту, разостланную среди голубаго фона. Слуга принесъ мнѣ чаю.

— Не желаете ли и вы? спросилъ я мрачнаго господина.

— Благодарю. Я пилъ кофе.

Мнѣ хотѣлось завязать съ нимъ разговоръ.

— Вы куда ѣдете? спросилъ я.

— Въ отрядъ Скобелева.

Пассажиръ отрекомендовался мнѣ разжалованнымъ поручикомъ Груневымъ. Онъ говорилъ, что разжалованъ за какую-то шалость молодости и ѣдетъ теперь въ отрядъ Скобелева, чтобы въ бою съ текинцами заслужить утраченный по суду чинъ.

Въ эту минуту раздался вдругъ свистокъ.

— Что это? спросилъ я.

— Это значитъ, сказалъ Груневъ, — что станція „Михайловскій заливъ“ близко.

Я взглянулъ впередъ. Въ темнотѣ блестяли огоньки. Надъ поверхностью земли возвышались черные бугры. Вскорѣ вошла луна и ярко освѣтила горы, которые казались издали серебристо-бѣлыми. Черезъ часъ пароходъ причалилъ къ пристани. Я хорошо могъ различить: и цѣпь вагоновъ, и деревянные постройки походнаго лазарета, и рядъ кибитокъ. Масса шпаль и рельсовъ была сложена у берега залива. Локомотивъ далъ свистокъ... Я сошелъ съ парохода на берегъ, покрытый бѣлымъ пескомъ. — Груневъ былъ со мною. Къ намъ подошелъ высокаго роста контрольный чиновникъ и попросилъ зайти къ нему въ кибитку.

Мы прошли рядъ палатокъ и очутились передъ кибиткой, стоявшей отдѣльно отъ другихъ походныхъ помѣщеній.

— Вотъ мое жилище, сказалъ чиновникъ, отмахивая полость, замѣнявшую дверь. — Жалуйте.

Я нагнулся и сквозь небольшое отверстіе пролѣзъ въ кибитку, за мной вошелъ Груневъ. Кибитка была чисто прибрана. Въ одномъ мѣстѣ стояла желѣзная кровать, надъ ней висѣлъ персидскій коврикъ, а около стоялъ походный столъ, покрытый клеенкой. Нѣсколько стульевъ, чемоданъ и погребецъ дополняли мебельровку кибитки. Чиновникъ попросилъ насъ не стѣсняться и расположиться, какъ дома. Скоро на столѣ появился самоваръ, а за нимъ чайная посуда и сдобные сухари.

— Вотъ какъ, сказалъ Груневъ, — у васъ здѣсь можно пить чай со сдобными сухарями, а мнѣ насажали, что въ Закаспійской области, кромѣ солдатскихъ сухарей, ничего и достать нельзя.

— Напротивъ, сказалъ чиновникъ: — здѣсь все можно достать, были бы только деньги.

— И чортъ знаетъ, что за охота людямъ преувеличивать, сказалъ Груневъ. — Объ этой Закаспійской области какое-то дикое представленіе въ Россіи.

Чиновникъ былъ очень любезенъ и все время угощалъ насъ то чаемъ, то виномъ, то разными лакомствами. Мы чувствовали себя въ прекрасномъ расположеніи духа и болтали безъ умолку, говорили о жизни вообще, о скорпіонахъ, о фалангахъ, о текинцахъ, и наконецъ сѣхали на войну съ турками въ 1877 году.

— Да, многіе набили себѣ карманы за Дунаемъ, сказалъ Груневъ:—пограбили казну здорово. Я былъ въ этой войнѣ, приглядѣлся ко всему; жаль только, что писательскаго таланта нѣтъ, а то бы изобразилъ много интереснаго.

— Такъ ничего и не написали? спросилъ я.

— Врять не люблю, отвѣтилъ Груневъ:—писаль.

— Ну, и что же?

— Цензура не пропустила, не радъ былъ, что и написалъ; чуть не загнали туда, куда Макарь телятъ не гоняетъ.

— И здѣсь злоупотребленія творятся, сказалъ контрольный чиновникъ, отхлебывая чай.—Командиръ одной части, а какой не скажу, обязанъ имѣть сорокъ лошадей. Онъ же всѣхъ лошадей продалъ, и въ требованіяхъ на довольствіе показываетъ, что эти лошади у него налицо. Конечно, на нихъ идетъ отпускъ отъ казны, а все довольствіе поступаетъ къ нему въ карманъ. А придратъся нельзя; говорить, что лошади у него въ командировкѣ. Повѣряйте... Тутъ дѣла еще чище творятся.

Мы просидѣли далеко за полночь. При прощаньѣ, чиновникъ, между прочимъ, сообщилъ, что поѣздъ желѣзной дороги отходитъ утромъ въ девять часовъ. Я расположился ночевать на душистомъ сѣнѣ въ палаткѣ, разбитой рядомъ съ кибиткой контрольнаго чиновника. Со мной рядомъ легъ Груневъ. Мы скоро крѣпко заснули.

На другой день поѣздъ желѣзной дороги, управляемый солдатомъ закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона, быстро несъ насъ по чугуннымъ рельсамъ къ станціи Балла-Ишемъ. Дорога однообразна. Слѣва тянулись горы: то каменистыя, то песчаныя; справа необозримой равниной разстиались солончаки. Я стоялъ у окна вагона и съ любопытствомъ новичка смотрѣлъ на все, что открывалось взору, Груневъ лежалъ на голой деревянной скамьѣ и читалъ.

— Что же вы не любуетесь на природу? сказалъ я.

— И безъ нея тошно, отвѣтилъ Груневъ.

— Что вы читаете?

— Гартмана: „Сущность міроваго процесса, или философія Безсознательнаго“.

Въ эту минуту, дверь въ вагонѣ отворилась и на порогѣ появился высокій, усатый унтеръ-офицеръ. Онъ обратился къ намъ и сказалъ, что насъ просить въ слѣдующій вагонъ его сіятельство князь Хилковъ.

Намъ представился невысокій и худой мужчина съ выбритыми усами и бородой. Онъ былъ въ черномъ пальто, съ портфелемъ, на которомъ большими буквами было выбито: „Prince Chilkoff“.

— Здѣсь вамъ, господа, будетъ удобнѣе, сказалъ князь, любезно раскланявшись.

Новый вагонъ былъ убранъ лучше. Скамейки мягки и обиты сѣрымъ сукномъ. Поѣздъ быстро мчался по гладкой песчаной равнинѣ. Въ вагонѣ царили тишина и сильная духота. Солнце такъ нестерпимо палило, что невозможно было прикоснуться рукой до крыши вагона; она жгла, какъ огонь. Духота, монотонный стукъ колесъ поѣзда и усталость клонили ко сну. Я задремалъ..... Но ненадолго. Раздавшійся оглушительный свистъ локомотива разбудилъ меня. Поѣздъ постепенно уменьшалъ ходъ и черезъ нѣсколько минутъ остановился. Мы пріѣхали на станцію Балла-Ишемъ, до которой только, въ то время, была доведена дорога.

Было два часа дня. Я вышелъ изъ вагона. Груневъ остался искать свои вещи. Сильный блескъ солнца слѣпилъ глаза, мягкій бѣлый песокъ покрывалъ землю. Вдали видѣлись кой-гдѣ песчаные бугры. Ноги вязли въ песокъ, и я съ трудомъ подвигался впередъ.

Балла-Ишемъ—небольшое укрѣпленіе, обнесенное валомъ и рвомъ. Оно располагалось среди необозримой гладкой равнины, поверхность которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестѣла, какъ зеркало. По угламъ укрѣпленія стояли орудія, въ серединѣ кибитки, гдѣ помѣщался гарнизонъ, походный телеграфъ и почта. Тамъ, гдѣ оканчивалось полотно желѣзной дороги, возвышалась куча шпалъ и рельсовъ. Неподалеку стояли землянки рабочихъ, строившихъ желѣзную дорогу; тутъ же бѣлѣли походные шатры мелкихъ торгашей: жидовъ и персовъ.

Мы съ Груневымъ вошли въ укрѣпленіе. Въ немъ царила тишина. Всѣ спали. Только ходили медленно часовые. Я встрѣтилъ солдата. Онъ несъ мѣдный чайникъ съ водою мутной, какъ кисель.

— Послушай, братецъ, сказалъ я:—гдѣ кибитка воинскаго начальника?

Солдатъ отеръ потъ рукавомъ рубахи и указалъ на кибитку, стоявшую возлѣ денежнаго ящика.

Я вошелъ въ нее; нестерпимая духота сдавила грудь.

— Извините, раздался голосъ изъ подъ одѣяла:—вамъ что угодно?

— Мнѣ нужно видѣть воинскаго начальника, сказалъ я.

— Честь имѣю представиться, сказалъ тотъ же голосъ.

Одѣяло распахнулось. Невысокій брюнетъ привсталъ и протянулъ мнѣ руку

— Я, кажется, помѣшалъ вашему отдыху, сказалъ я,—извините.

— Нисколько, отвѣтилъ брюнетъ. Я не спалъ, а находился въ какомъ-то идиотскомъ состояннн; при такой жарѣ невозможно заснуть. Не желаете?

Онъ протянулъ мнѣ портсигаръ. Я взялъ папиросу.

— А новость слыхали?

— Какую? спросилъ я.

— Геокъ-Тепе взято.

— Развѣ?

— Да. Много убито и ранено офицеровъ.

Мы поговорили съ полчаса. Воинскій начальникъ указалъ мнѣ кибитку, отведенную для проѣзжающихъ офицеровъ.

— А затѣмъ, сказалъ онъ при прощаньи:—съ первымъ случаемъ вы отправитесь впередъ.

Въ кибиткѣ я засталъ Грунева. Онъ успѣлъ уже убрать ее, разбилъ кровати и хлопоталъ вокругъ самовара. Я сообщилъ ему, что Геокъ-Тепе взято.

Груневъ поблѣднѣлъ. Стаканъ и полотенце выпали у него изъ рукъ.

— Чтò съ вами? спросилъ я, не догадываясь сначала, въ чемъ дѣло.

— Такъ, значить, для меня все потеряно,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вовсе нѣтъ, спохватился я; Скобелевъ съ передовымъ отрядомъ ушелъ впередъ. Вы успѣете еще отличиться.

Лучъ надежды смягчилъ грустное выраженіе Грунева. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ молча, потомъ сказалъ:

— Кажется, придется пустить себѣ въ лобъ пулю.

— А Грегхень, про которую вы мнѣ говорили, оставляете?

Груневъ разсмѣялся.

— Чтò будетъ, того не миновать, сказалъ онъ:—я вѣрю въ предопредѣленіе, а пока напьемся чаю.

Мы прожили въ Балла-Ишемѣ нѣсколько дней. Время тянулось скучно и однообразно. Груневъ по цѣлымъ днямъ читалъ.

По вечерамъ мы вздыхали о покинутой родинѣ или распѣвали серенады, любуясь изъ дверей кибитки клочкомъ голубаго неба, усеяннаго мириадами мерцающихъ звѣздъ. Оно напоминало намъ другое небо.

Наконецъ воинскій начальникъ объявилъ мнѣ, что транспортъ отходить въ Айденъ. Я сообщилъ объ этомъ Груневу.

IV.

Конно-желѣзная дорога.—Укрѣпленіе Айденъ.—За чаемъ у воинскаго начальника.—Транспортъ.—Верблюды въ пустынѣ.—Ночлеги.—Переваль.—Ахча-Куйма.—Кража спирта киргизами.—Истязаніе жидовъ.—Укрѣпленіе Каванджикъ.—Фазаны.—Выступленіе въ Кизиль-Арватъ.

Когда мы вышли изъ укрѣпленія Балла-Ишемъ, насъ поджидалъ интересный поѣздъ конно-желѣзной дороги. На тонкихъ чугунныхъ рельсикахъ стояло нѣсколько деревянныхъ клѣтокъ. Каждая клѣтка была запряжена киргизскою лошадыю, а должность возницъ исполняли киргизы въ изодранныхъ халатахъ и въ шапкахъ, въ видѣ лопуха. Клѣтки были нагромождены тюками, кулями и мѣшками съ провизіей для войскъ.

Я не могъ удержаться отъ смѣха, когда взбирался въ одну изъ такихъ клѣтокъ. Она напоминала клѣтку, въ какой везли пойманнаго Пугачева. Груневъ сѣлъ недалеко отъ меня, рядомъ съ рабочимъ.

Поѣздъ тронулся... Жара стояла нестерпимая, несмотря на то, что было начало февраля. По временамъ дулъ жаркій вѣтеръ, несокъ кружился въ воздухѣ и застилалъ глаза. Вправо отъ дороги, по подошвѣ горы, видѣлся миражъ, который я принялъ за русло обмелѣвшей рѣки.

Я былъ пораженъ множествомъ дохлыхъ верблюдовъ, валявшихся среди песковъ. Нестерпимый запахъ разложенія несся отъ нихъ. Гибель такого громаднаго количества верблюдовъ становилась загадкою. Не отѣхали мы и трехъ верствъ отъ Балла-Ишема, какъ вдругъ пришлось остановиться. Одинъ „вагонъ“, ѣхавшій въ серединѣ поѣзда, сошелъ съ рельсовъ и лежалъ на боку. Нѣсколько пассажировъ валялось на землѣ. Съ другихъ вагоновъ слышался хохотъ, сыпались остроты и шутки. Пассажирами поѣзда были мужики, строившіе конно-желѣзную дорогу, персіяне и евреи.

Началась установка вагона на рельсы.

Наконецъ поѣздъ тронулся. Но не успѣли отѣхать мы версты, какъ другой вагонъ сошелъ съ рельсовъ и повалился на бокъ.

— Эй, стой! стой! раздалось опять по всей линіи, и громкій хохотъ пассажировъ огласилъ воздухъ.

— Ай да желѣзная дорога, острили мужики:—на своихъ скорѣй уйдешь.

Началась опять длинная исторія. Отпрыгали лошадь, устанавливали „вагонъ“ на рельсы, наваливали кули и мѣшки.

Отъ Балла-Ишема до укрѣвленія Айдена двадцать съ чѣмъ-то верстѣ. Я выѣхалъ въ семь часовъ утра, а пріѣхалъ на мѣсто только въ три пополудни. Нужно было имѣть терпѣнье, чтобы проѣхать такъ медленно небольшое пространство, подъ палищими лучами полуденнаго солнца.

Укрѣвленіе Айденъ расположено среди равнины, замкнутой съ одной стороны горами. Оно обнесено рвомъ и валомъ. По угламъ укрѣвленія стояли орудія, внутри помѣщался въ кибиткахъ гарнизонъ. На выгонѣ укрѣвленія находилось нѣсколько шатровъ, гдѣ мелкіе торгаша продавали спитый чай, сахаръ, свѣчи и мыло.

Я пошелъ къ воинскому начальнику, чтобы узнать отъ него, когда мнѣ можно будетъ отправиться далѣе. Это былъ симпатичный старичокъ. Онъ сидѣлъ на кровати въ сѣромъ кителѣ. Передъ нимъ стоялъ самоваръ и стаканъ съ мутнымъ чаемъ.—Онъ обрадовался посѣщенію и долго жалъ мнѣ руку, спрашивая о разныхъ пустякахъ.

За чаемъ мы разговорились. Иванъ Петровичъ сначала вздохнулъ о семьѣ, которую онъ покинулъ въ Ставрополѣ, а потомъ, послѣ двухъ-трехъ рюмочекъ, сталъ веселѣе.

— Вы одни живете въ укрѣвленіи? спросилъ я.

— Нѣтъ, есть субалтернъ-офицеръ. Да я его не вижу по цѣлымъ днямъ, онъ вѣчно пьянъ. Радъ, что казна даромъ спиртъ отпускаетъ.

— Что жъ вы подѣлываете здѣсь?

— Пью по цѣлымъ днямъ чай, одно только и развлеченье. Другой разъ вспотѣешь такъ, что не только рубашка, а китель весь мокрый,—ничего, дуешь себя. А то письма пишешь; навалаешь отъ скуки цѣлую шестерку и пошлешь женѣ.

— О чемъ же вы пишете такъ много?

— Да чтѣ въ голову придетъ, иной разъ запишешься такъ, что самъ не поймешь, чтѣ написалъ. Думаешь: жена разберетъ; а не разберетъ, такъ и то не важно.

Чай былъ непріятнаго вкуса, и только сильная жажда заставляла его пить.

На другой день, часовъ въ девять утра, выступилъ изъ Ай-

дена транспортъ изъ двухсотъ верблюдовъ и полуроты солдатъ. Верблюды были тощи и, несмотря на легкіе вьюки, шли очень медленно. Ихъ вели киргизы. Въ изодранныхъ тулупахъ и шапкахъ, въ чевякахъ, изогнутыхъ къверху, загорѣлые, они дѣйствительно походили на шайтановъ пустыни, какъ прозвали ихъ мужики и солдаты.

Дорога шла на невысокую гору; по обѣимъ сторонамъ росъ сухой бурьянъ.

Солдаты цѣпью окружали транспортъ и шли молча, погоняя отстававшихъ верблюдовъ. Транспортъ тихо подвигался впередъ, потому что идти по мягкому, глубокому песку было затруднительно. Верблюды были такъ изнурены, что часто спотыкались и падали. Приходилось останавливаться и перевьючивать, это отнимало не мало времени. Упавшіе верблюды не имѣли силъ встать, несмотря ни на понуканія киргизовъ, ни на приклады ружей, которыми солдаты били бѣдныхъ животныхъ. Грустно было смотрѣть на обезсиленныхъ верблюдовъ, оставляемыхъ въ пустынѣ на произволь судьбы... Они, казалось, безмолвно покорялись своей тяжелой участи, и ни ревомъ, ни взглядомъ не выражали беспокойства.

Меня начала томить невыносимая жажда, въ горлѣ пересохло. Ни источника, ни колодца вокругъ. Природа печальна. Песокъ, сухой бурьянъ, солончаки, вдали каменистыя горы—вотъ все, что открывалось глазамъ.

Усталость начала одолевать; мучимый жаждой, я едва передвигалъ ноги. У одного солдата нашлась бутылка съ водой.—Я былъ счастливъ, что могъ утолить хоть сколько нибудь жажду теплой и протухлой водой. Транспортъ шелъ безъ отдыха, такъ какъ на слѣдующій день къ полудню долженъ былъ непременно прійти въ Ахча-Куйму. Груневъ шелъ рядомъ со мной. Сначала онъ былъ веселъ, потомъ сталъ жаловаться на жизнь,—на то, что сумма страданій въ жизни беретъ верхъ надъ суммой наслажденій, и въ концѣ концовъ умоляетъ.

— Вы, кажется, хотѣли сѣсть на верблюда? спросилъ я, видя, что онъ каждую минуту спотыкается отъ усталости.

— Не рѣшаюсь, сказалъ Груневъ. Ну, какъ сядешь, а верблюдъ понесетъ.

— Что вы? Они такъ измучены, что жаль смотрѣть на нихъ. Хотите, я прикажу транспорту остановиться.

Груневъ согласился. Верблюды стали. Сзади транспорта шло нѣсколько запасныхъ верблюдовъ. Киргизъ подошелъ къ первому попавшемуся изъ нихъ, дернулъ за веревку, мотавшуюся на шеѣ верблюда, и крикнулъ: „чохъ! чохъ“! Черезъ нѣсколько минутъ верблюдъ лѣнливо и нехотя опустилса на колѣни.

— Ну, его къ чорту, шеннуй мнѣ Груневъ, еще полетишь съ такой грандіозной фигуры, доплетусь какъ нибудь... прикажите двигаться.

Транспортъ медленно двинулся. Солнце опустилось за горизонтъ, когда вдругъ вдали, среди голой степи, мелькнули огоньки. Я вздохнулъ свободнѣе.

Стемпло. Вечерняя свѣжесть подняла силы транспорта. Верблюды, почувъ отдыхъ, пошли скорѣе. Солдаты повели оживленные разговоры, киргизы зашѣли или, лучше сказать, завыли, какъ шакалы. До насъ долеталъ собачій лай. Черезъ полчаса мы достигли бивака. Насъ ожидала здѣсь полурота, подъ командою офицера, высланная для смѣны солдатъ, конвоировавшихъ транспортъ отъ укрѣпленія Айденъ.

Я сдалъ транспортъ офицеру.

Ночь была очень холодная. Солдаты разгребли жаръ отъ костровъ, потушили ногами горячіе угли и улеглись въ плотный кружокъ на теплую золу. Необыятная тишина царила въ пустынѣ, только слышно было, какъ храпѣли солдаты, да фыркали лошади, пережевывая овесъ. Я долго не могъ заснуть. Холодъ пронизывалъ меня сквозъ байковое одѣяло. Я досадовалъ, но на что—не знаю самъ. Изрѣдка я открывалъ глаза и вглядывался въ даль.

Ко мнѣ вдругъ явился незваный гость,—большая собака, какія обыкновенно слѣдуютъ за ротами солдатъ, когда тѣ выступаютъ въ походъ или переходятъ въ лагерь. Песъ дружелюбно обнюхалъ меня, лизнулъ и легъ у моихъ ногъ. Я скоро, благодаря ему, согрѣлся и уснулъ крѣпко.

На другой день, едва стала занимать заря, транспортъ двинулся въ путь. На дорогѣ встрѣтился переваль. Съ одной стороны, передъ нами, въ видѣ глубокой разщелины, тянулся оврагъ, за нимъ простиралась равнина, покрытая песчаными буграми. Съ другой стороны—возвышались горы. Онѣ казались замѣчательно красивыми отъ разноцвѣтныхъ полосъ: красныхъ, бѣлыхъ, коричневыхъ и желтыхъ, опоясывавшихъ ихъ. Верблюды едва передвигали ноги, поднимаясь на крутую гору. Нѣкоторые изъ нихъ падали отъ изнеможенія и тутъ же издыхали. Киргизы и солдаты измучились, подталкивая верблюдовъ впередъ и перевьючивая ежеминутно. Движеніе затруднялъ еще мягкій и глубокій песокъ, въ которомъ вязли ноги. Солнце налило невыносимо, въ воздухѣ нестерпимая духота; ни одна струя вѣтра не освѣжала истомленную грудь, ни одна птица не оглашала раскаленный, ослѣбительный воздухъ своимъ крикомъ. Вокругъ царила гробовая тишина; безмолвные камни, разсыпанные по дорогѣ, и тѣ, казалось, стра-

дали отъ невыносимаго зноя. Транспортъ кое-какъ достигъ Ахча-Куймы къ пяти часамъ вечера.

Ахча - Куйма расположена въ песчаной лощинѣ, противъ горъ. Укрѣпленіе состояло изъ нѣсколькихъ кибитокъ, шалашей торговцевъ и землянокъ рабочихъ. По склону горы равняли шоссе и настилали рельсы для конно-железной дороги. Работали большею частью русскіе мужички, оборванные, загорѣлые и грязные. Я помѣтился въ кибиткѣ воинскаго начальника, молодого, хвастливаго, но любезнаго офицера. Груневъ, несмотря на усталость, потѣшалъ насъ весь вечеръ. За чаемъ онъ спѣлъ намъ соло изъ „Фауста“, а за ужиномъ болталъ всякій вздоръ, пѣлъ шансонетки и рассказывалъ анекдоты.

— Когда это вы успѣли выпить? спросилъ я его, ложась съ нимъ на полость, разостланную на землѣ.

— Поднесли подлецы киргизы, сказалъ Груневъ.

— Какъ такъ?

— Да просто. Мнѣ захотѣлось пить, подходя къ Ахча-Куймѣ. У солдатъ воды не было. Тогда киргизъ подвелъ меня къ верблюду, на которомъ навьючены были два боченка. „Здѣсь чохъ яхши вада“, сказалъ киргизъ, хлопнувъ рукой по боченку. Онъ взялъ соломенку, воткнулъ ее въ щель боченка и сказалъ мнѣ, чтобы я потянулъ воду черезъ эту соломенку. Я потянулъ, у меня сразу загло во рту. Въ боченкѣ оказался казенный спиртъ. Киргизъ причмокивалъ губами и все твердилъ: „яхши вада, яхши вада“. Я тянулъ, тянулъ и ватянулся. Спокойной ночи, завтра доскажу остальное.

На слѣдующій день я выступилъ изъ Ахча-Куймы. Мнѣ прибавили нѣсколько запасныхъ верблюдовъ, такъ какъ половина тѣхъ, которые вышли изъ Айдена, была брошена въ пескахъ на голодную смерть, потому что верблюды были не въ состояніи идти даже порожнякомъ. Характеръ мѣстности былъ одинъ и тотъ же. Дорога шла параллельно невысокому хребту, который то отдалялся отъ насъ, въ видѣ синѣющаго полукруга, то отдѣлялъ отъ себя отроги, уступами понижавшіеся къ дорогѣ, гдѣ чернашымъ шагомъ двигался нашъ транспортъ.

Среди тишины пустыни, до меня вдругъ долетѣли ужасные не человѣческіе крики. Я принялъ мѣры военной предосторожности, сдвинулъ плотнѣе транспортъ и выслалъ патруль. Спустившись въ неглубокую ложбину, поросшую бурьяномъ и колючками, я увидалъ такую картину.

На дорогѣ стояло нѣсколько арбъ, нагруженныхъ ящиками. Возлѣ одной арбы два дюжихъ казака стегали нагайками тощаго

еврей. Рубашка ключьями летѣла со спины несчастнаго. Еврей издавалъ дикіе вопли. Сѣдой казачій офицеръ, красиво подбоченись на великолѣпномъ аргамагѣ, хладнокровно смотрѣлъ на экзекуцію и выкрикивалъ: „дужѣ чортова сына!... дужѣ!“ Нѣсколько евреевъ съ искаженными отъ страха лицами бросились къ нашему транспорту и уцѣпились за хвосты верблюдовъ.

— Переловить! крикнулъ усатый офицеръ.

Раздался пронзительный крикъ. Евреевъ постигла та же участь, какъ и товарища ихъ, который лежалъ на пескѣ и жалобно стоналъ.—Ихъ всѣхъ высѣкли.

— Разгружай арбы! крикнулъ офицеръ.

Въ одну минуту арбы были разгружены, а ящики брошены.

Усатый офицеръ нахмурилъ сѣдыя и густыя брови, круто повернулъ коня и, махнувъ казакамъ рукой, понесся по дорогѣ, какъ стрѣла. За нимъ тронулись пустыя арбы, сопровождаемыя казаками.

Евреи подползли ко мнѣ и умоляли навьючить на верблюдовъ ихъ ящики съ товаромъ, который они везли изъ Баку въ Геокъ-Тене.

— За чтѣ васъ били? спросилъ я.

— Ахъ, ваше благородіе, нехай поперхнется этому офицеру, онъ ужъ десятый разъ насъ грабить.

— И какъ больно бьетъ! замѣтилъ блѣдный, какъ полотно, еврей. Мы не хотѣли отдать ему своихъ арбъ и бѣдныхъ коней.

— А ему на чтѣ ваши арбы и лошади?

— А Богъ его знаетъ, они верблюдовъ не кормили, и всѣ бѣдные верблюды иждохла. Такъ они везятъ транспортъ на нашихъ арбахъ...

Дѣлать было нечего. Мнѣ стало жаль бѣдныхъ сыновъ Израиля, и я приказалъ навьючить ящики на верблюдовъ.

Затѣмъ пришлось рассадить евреевъ, такъ какъ они не могли идти иѣшкомъ. Уморительно было смотрѣть на этихъ несчастныхъ, какъ они дрожали отъ страха, сидя на верблюдахъ. Какъ только верблюдъ поворачивалъ въ сторону шею или спотыкался, отчаянный крикъ раздавался въ воздухѣ. Солдаты хохотали, а киргизы нарочно подгоняли какого нибудь верблюда съ евреемъ чтобы доставить удовольствіе посмѣяться себѣ и солдатамъ.

Черезъ часъ мы достигли укрѣпленія Казанджикъ. Оно расположено на высокомъ холмѣ, вблизи горъ. На одномъ углу холма устроена батарея. Недалеко отъ укрѣпленія, въ небольшой ложбинѣ, есть колодець съ водой, которымъ пользуется гарнизонъ.

Я представился воинскому начальнику, сѣдому и суровому подполковнику. Онъ указалъ мнѣ на палатку, которая была разбита на косогорѣ и сказалъ:

— Помѣститея пока въ ней, а тамъ посмотримъ, когда нужно

будеть выступить впередъ.

Съ этими словами онъ сухо раскланялся и навелъ бинокль на горы.

Мнѣ пришлось прожить въ Казанджикѣ нѣсколько дней, потому что верблюдомъ необходимъ былъ отдыхъ. Время тянулось скучно. Офицеры гарнизона спали, ѣли, пили, играли въ „штоссъ“ цѣлые дни, а иногда и ночи.

Какъ-то вечеромъ, я съ Груневымъ сидѣлъ у дверей нашей палатки. Мы пили чай и мирно бесѣдовали. Въ это время, къ укрѣпленію подъѣхалъ верхомъ щеголеватый офицеръ высокаго роста въ черкескѣ и папахѣ. Его сопровождали два казака. Офицеръ ловко соскочилъ съ коня и, отдавъ его казаку, самъ быстро пошелъ къ кибиткѣ воинскаго начальника.

— Кто это пріѣхалъ? спросилъ я изъ любопытства.

— Это изъ Питенбурха князь, сказалъ казакъ, глядя потную шею великолѣпнаго текинскаго коня.

— Откуда вы ѣдете? спросилъ Груневъ.

— Изъ подъ Гокъ-Тапа.

— Куда?

— Въ Рассею.

Въ это время я замѣтилъ невысокаго смуглаго офицера, который спускался къ намъ по узкой тропинкѣ холма.

— Видали фазана? спросилъ офицеръ, протягивая мнѣ руку.

— Нѣтъ, сказалъ я:—развѣ здѣсь водятся фазаны?

— А сейчасъ прилетѣлъ.

— Вы говорите про офицера, который только что пріѣхалъ? спросилъ я, недоумѣвая.

Офицеръ кивнулъ головой и усмѣхнулся.

— Почему же вы величаете его фазаномъ?

— Тутъ ихъ много поналетѣло изъ столицъ за чинами и орденами, замѣтилъ иронически офицеръ.

Послѣ я узналъ, что кавказскіе офицеры прозвали „фазанами“ столичныхъ франтовъ, наѣхавшихъ въ Ахаль-Текинскую экспедицію, въ отрядъ Скобелева. Не нравилось кавказскимъ офицерамъ, что они составляли свиту Скобелева, занимали тепленькія мѣста въ штабѣ, между тѣмъ какъ вся тяжесть похода падала на сопровожденіе транспортовъ по бесплодной и знойной пустынѣ. Послѣ взятія Геокъ-Тепе, столичные „фазаны“ вспорхнули и улетѣли, захвативъ лакомую добычу въ свои гнѣзда.

Наконецъ я получилъ приказаніе отъ воинскаго начальника выступить въ Кизиль-Арватъ.

А. В.—въ.

(Окончаніе будетъ).

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 12. ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редація и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ
Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1887.

ПОЪЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

V.

Ночевка въ пескахъ.—Ураганъ въ пустынѣ. — Укрѣпленіе Кизиль-Арватъ.—Минеральные источники.—Выступленіе въ Бами.—Ночлеги.—Два чиновника: Иванъ Павловичъ и Егоръ Петровичъ.—Встрѣча со старымъ знакомымъ.

Востокъ горѣлъ багровымъ румянцемъ, когда я съ транспортомъ выступилъ изъ Казанджика. Дорога лежала по склону хребта. Ни кустика, ни деревца на его отлогихъ скатахъ, усѣянныхъ только камнями. Груневь шель рядомъ со мной, и мы чувствовали себя въ прекрасномъ состояніи духа, отдохнувъ въ Казанджигѣ. Мы были въ восторгѣ, замѣтивъ вдали серебристую полосу воды. Но чѣмъ мы ближе подходили къ рѣкѣ, тѣмъ она далѣе отходила отъ насъ. Мы только тогда поняли, что это миражъ.

Верблюды шли бодро. Солдаты тоже были веселы, покуривали трубочку и пересмѣивались съ киргизами, которые сильно раскачивались на верблюдахъ, что имъ очень нравилось. Солнце палило обычнымъ зноемъ. Дохлые верблюды встрѣчались на каждомъ шагу, иные были еще живы и умирали на моихъ глазахъ. Вытянувъ и закинувъ далеко назадъ свои длинныя шеи, они, послѣ непродолжительныхъ конвульсій, испускали послѣдній вздохъ, оскаливъ бѣлые, короткіе и широкіе зубы.

Въ полдень транспортъ сдѣлалъ маленькій привалъ у ручья. По берегамъ росла жалкая растительность, походившая на тонкій зеленый камышъ. И здѣсь валялись дохлые верблюды. Нѣкоторые какъ припадали къ ручью напиться, такъ и остались мертвыми. Наши верблюды съ жадностью пожирали траву и запивали мутной водой. Ручей терялся въ пескахъ..

Отдохнувъ съ часъ, мы двинулись далѣе. Къ вечеру стало свѣжѣе. Транспортъ прошелъ верстъ пять и остановился ночевать въ пескахъ. Солдаты составили ружья въ козлы и разбрелись въ разныя стороны собирать бурьянъ. Киргизы развьючили верблю-

довъ и согнали ихъ въ кружокъ. Скоро въ разныхъ мѣстахъ запылали костры. Сухой бурьянъ ярко горѣлъ, и пламя разгонило на недалекое пространство мракъ, царствовавшій въ мертвой пустынѣ. Вечеръ былъ холодный; изъ ущелья горъ дулъ пронзительный вѣтеръ. Я лежалъ у костра и подолгу всматривался въ загорѣлыя лица солдатъ. Натурою здоровою и сильною, безпечною и веселою, терпѣливою и бодрою вѣяло отъ нихъ. Звуки родной пѣсни замирали въ необъятной пустынѣ. Груневъ лежалъ возлѣ меня и молча отхлебывалъ чай изъ импровизированнаго стакана. Русскіе солдаты въ походѣ сами дѣлали стаканы. Они тонкой веревочкой распиливали бутылки, горлышки отъ нихъ бросали, а остальная часть бутылки шла на стаканъ. „А что, братцы, спросишь иной разъ, нѣтъ ли у кого лишняго стакана? — „Сейчасъ, ваше благородіе, приготовимъ“. Отъискивалась бутылка, два солдата сажались на корточки, натягивали веревочку и принимались пилить ею до тѣхъ поръ, пока не перерѣзали бутылку.

Вдругъ раздался конскій топотъ. Черезъ нѣсколько минутъ, къ намъ подѣхали три всадника въ шинеляхъ и фуражкахъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ стояли казаки, держа въ поводьяхъ текинскихъ лошадей, укутанныхъ попонами.

Всадники слѣзли съ коней и подошли къ намъ. Одинъ изъ нихъ отрекомендовался поручикомъ фонъ-К.—Они ѣхили съ донесеніемъ о штурмѣ Геокъ-Тепе.

На другой день, когда транспортъ выступилъ съ бивака, поднялся ураганъ. Кто путешествовалъ по пустынѣ, тому хорошо извѣстно это страшное явленіе природы. Песокъ застлалъ атмосферу, стало темно. Сильный вѣтеръ дулъ въ лицо, почти невозможно было двигаться. Транспортъ сбивался съ пути, верблюды спотыкались и падали въ широкія разщелины, встрѣчавшіяся на пути. Иногда атмосфера прояснялась, проглядывали солнечные лучи, и тогда глазамъ открывалась песчаная, смлаженная вѣтромъ почва, а въ сторонѣ кружился вихрь песку и несся по необозримой пустынѣ. Къ этому присоединялся нестерпимый запахъ отъ разложенія дохлыхъ верблюдовъ, валявшихся въ пескахъ. Но вдругъ порывъ вѣтра снова застилалъ атмосферу и снова становилось темно. Къ вечеру ураганъ стихъ. Вдали—укрѣпленіе Кизиль-Арватъ. Оно расположено на высокой, гладкой площадкѣ, которую съ одного берега обмываетъ рѣчка. Невысокія горы замыкаютъ горизонтъ справа. Я представился воинскому начальнику, рябоватому, толстому капитану изъ грузинъ. Онъ приказалъ отвести мнѣ съ Груневымъ кибитку, гдѣ мы и размѣстились по походному.

На другой день я пошелъ съ Груневымъ бродить по окрестностямъ Кизиль-Арвата.

Сначала мы шли вдоль узкой канавы, берега которой поросли травой и усыяны камнями. Въ канавѣ текла вода голубаго цвѣта, но въ стаканѣ она была прозрачною, непріятнаго вкуса, теплая и отдавала сѣрой; по канавѣ стлался легкий паръ. Источникъ ея вблизи горъ, въ формѣ неглубокаго бассейна, гдѣ вода пѣвилась на поверхности. Мы присѣли отдохнуть.

Въ Кизиль-Арватѣ я прожилъ нѣсколько дней, потому что ожидался приходъ новаго транспорта съ чаемъ для отряда. Я по цѣлымъ днямъ бродилъ по окрестностямъ, взбирался съ Груневымъ на утесистыя горы, билъ ящерицъ, собиралъ насѣкомыхъ и громко распѣвалъ въ ущельяхъ горъ, гдѣ эхо вторило каждому звуку. Къ вечеру, сильно уставши, я спалъ, какъ убитый.

Въ концѣ февраля, я выступилъ изъ Кизиль-Арвата въ Бами. Дорога была довольно оживлена. Встрѣчались мелкіе торговцы съ арбами, молюканскіе фургоны, нагруженные товарами, обратные караваны и части войскъ. Но солнце весь день палило сильно, каменистая почва была накалена до того, что чувствовался жаръ въ ногахъ. И только благодатный вечеръ освѣжалъ силы и давалъ возможность прійти на бивакъ до наступленія темноты.

Мы расположились ночевать въ узкой лошинѣ, вблизи заброшеннаго колодца, вода котораго, къ счастью, оказалась пригодной. Скоро къ биваку подъѣхало нѣсколько фургоновъ по дорогѣ изъподъ Геокъ-Тепе. Они везли часть походной канцеляріи. Я приказалъ солдату приготовить самоваръ, — а самъ пошелъ къ транспорту, чтобы провѣрить количество вьюковъ, такъ какъ киргизы воровали иногда сахаръ, чай и спиртъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ чей-то голосъ:

А сахарецъ, Иванъ Павловичъ, взяли?

Я остановился и увидѣлъ двухъ чиновниковъ. Они лазили на молюканской фурѣ, нагруженной тюками, и какъ видно что-то искали. Одинъ былъ высокаго роста съ длинными тонкими ногами, съ небольшою бородкой и крупнымъ носомъ; другой составлялъ ему противоположность, — низкаго роста, коренастый, безъ бороды и съ маленькимъ носомъ, похожимъ на редиску.

— Не могу ума приложить, куда дѣвался сахарецъ, говорилъ Иванъ Павловичъ, лазая по фургону. Не желаете?

— Чего? спросилъ другой чиновникъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Галетки? сказала Иванъ Павловичъ.

Егоръ Петровичъ открылъ ротъ, Иванъ Павловичъ всунулъ ему галетку, и она приятно захрустѣла на зубахъ.

Ну, такъ какъ же мы будемъ безъ сахарцу чай-то пить, дѣло дрянъ выходить... Вотъ ромашка... Коньчишко вотъ, а сахарцу-то пить... дрянъ дѣло—говорилъ Иванъ Павловичъ, перерачивая тюки.

Въ эту минуту я почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку.

Я обернулся. Передо мной стоялъ контрольный чиновникъ, съ которымъ я познакомился въ Михайловскомъ заимѣ.

— Вы какими судьбами здѣсь? спросилъ я.

— Бздилъ по казеннымъ дѣламъ въ Теобъ-Тепе, сказалъ контролеръ,— а теперь—въ Петербургъ.

Я пригласилъ его пить чай, и мы пошли, направляясь къ костру, возлѣ котораго сидѣлъ Груневъ.

— Гости веду, сказалъ я Груневу.

— А, радостно воскликнулъ Груневъ,— добро пожаловать, есть о чемъ поговорить, да кстати я имѣю къ вамъ дѣло.

Мы втроемъ усѣлись на полость, вокругъ походнаго самовара.

— Какое же у васъ до меня дѣло: обратился контролеръ къ Груневу.

— Я хотѣлъ спросить васъ, отчего такъ много передохло верблюдовъ?

— Не кормили, отъ того.

— Гм... промгчалъ Груневъ. А отгускъ отъ казны былъ на ихъ продовольствие?

— Да.

— И дорого стоитъ казнѣ верблюды?

— Почти двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Думали вѣрно, что верблюды, какъ животное выносливое, вынесетъ даже голодь...

Груневъ еще что-то хотѣлъ сказать, но въ эту минуту къ костру, возлѣ котораго мы сидѣли, подошли два чиновника.

— Господа, можно присоединиться къ вамъ, сказалъ тотъ, котораго звали Егоромъ Петровичемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я.

Скоро между нами завязался оживленный разговоръ. Егоръ Петровичъ къ яркимъ краскамъ рисовалъ ужасы штурма Пеокъ-Тепе.

— Помните, Иванъ Павловичъ, обратился онъ къ своему другу, какъ вы, во время штурма, сидѣли на карачкахъ. Прыгаетъ онъ, господа, по бибиткѣ да кричить: „ой, убьеть! ой, убьеть!..“

И Егоръ Петровичъ залился неудержимымъ хохотомъ. Иванъ Павловичъ недовольно взглянулъ на него и въ свою очередь ядовито замѣтилъ:

— Вы тоже не изъ храбраго десятка, Егоръ Петровичъ. Помните, вѣроятно, хорошо: какъ только взойдетъ луна, текинцы выйдутъ изъ крѣпости на вылазку, закричатъ, алла! тутъ, господа, мой Егоръ Петровичъ и бухъ пластомъ на землю. Лежитъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ пока наши войска не отобьютъ текинцевъ.

Егоръ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, но налилъ полный стаканъ коньяку и поднесъ мнѣ.

— Одолжайтесь.

Я отказался.

— Я въ молодые года тоже не пилъ, началъ Егоръ Петровичъ. Но подвернулись въ жизни такія коварныя обстоятельства, что пришлось запить... Нашелся подлецъ, который подставилъ мнѣ по службѣ ножку; меня лишили мѣста въ департаментѣ; тутъ жена моя возьми и взбѣсись, двойню принесла... Хорошо, что походъ въ Теке открылся. Хотъ и грѣшно было радоваться; зналъ, что своихъ же братьевъ христіанъ много погибнетъ; ну, однимъ словомъ, не вытерпѣлъ, обрадовался походу. Я обратился къ Ивану Павловичу, нельзя ли, дескать, походатайствовать за меня у высшаго начальства. Смотрю, и выгорѣло...

— А что признайтесь Егоръ Петровичъ, нагрѣли здѣсь карманы? спросилъ контролеръ.

— Два тюка однихъ текинскихъ ковровъ везетъ, замѣтилъ Иванъ Павловичъ,—да серебра что-то съ пудикъ.

— Мнѣ простительно, сказала Егоръ Петровичъ;—я мало захватилъ, а были такіе, что пѣлые фургоны и арбы понавалили всякаго добра.

Егоръ Петровичъ скоро опьянѣлъ совсѣмъ. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ. Наконецъ свалился на бурку и захрапѣлъ.—Мы снесли его въ фургонъ и разошлись.

VI.
Дорога къ Бами.—Колодцы.—Въ вѣбитѣхъ адъютанта.—Урвиденіе Бами.—Личность Янкеля, его шинювъ.—Самоубійство.—Выступленіе въ Геокіи Тене.—Остатки древней цивилизаціи.—Первая встрѣча съ текинцами.

Мы выступили, по обыкновенію, съ восходомъ солнца. Дорога до Бами усѣяна колодцами. Каждый изъ нихъ представлялъ въ

кое, круглое отверстие, обнесенное землянымъ валикомъ, и соединялся съ другимъ колодезъ посредствомъ подземнаго тунеля, служившаго въ каждой линіи проводникомъ воды отъ перваго колодца, находившагося у подножія горъ, до послѣдняго, терившагося въ пескахъ. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ замѣтно было дно и слышалось журчаніе воды, вытекавшей изъ тунеля. Иные отличались значительною глубиною. Одинъ колодезь отъ другаго находился шагахъ въ десяти. — Въ каждой линіи находилось до трехъсотъ колодезевъ, какъ я могъ насчитать, а такихъ линій было множество. — Проводникъ-киргизъ говорилъ, что текинцы не работали сами надъ этими колодцами, а употребляли на работы пльбныхъ персовъ. Кто же изъ нихъ отказывался, того закапывали живымъ въ землю. Долбить первобытными орудіями узкое отверстие въ каменистой почвѣ, рыть лежа тунели, выкладывать своды кирпичемъ, — все это было дѣйствительно тяжелою работою.

Я пришелъ съ транспортомъ въ Бами, когда совершенно стемнѣло. Мнѣ пришлось долго бродить въ темнотѣ по укрѣпленію, между множествомъ кибитокъ, коновязями лошадей, наталкиваться на орудія, пока наконецъ я нашелъ кибитку адъютанта Д..... полка, къ которому мнѣ нужно было явиться.

Я засталъ адъютанта за чаемъ. Кибитка была сплошь завѣшена текинскими коврами, что придавало ей красоту и уютность. Самъ хозяинъ произвелъ на меня неприятное впечатлѣніе. Это былъ невысокій, сутуловатый брюнетъ съ черной короткой бородкой и лицомъ, нѣсколько напоминающимъ типъ среднеазиатскій. Во всей его жиденькой фигурѣ протлѣвывало чванство и щегольство.

Я отреккомендовался.

Знаю, вы прикомандированы въ нашъ полкъ, отлично; чаю не желаете? можетъ быть, съ молокомъ прикажете?

Я не отказался, потому что былъ голоденъ. Меня удивило появленіе молока. Оно показалось здѣсь роскошью, о какой я не мечталъ послѣ того, что приходилось мнѣ встрѣчать въ укрѣпленіяхъ, гдѣ я останавливался. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ощущался недостатокъ въ водѣ, а въ другихъ, какъ напримѣръ, въ Балла-Ишемѣ, воду привозили изъ Михайловскаго залива.

— Вы были при штурмѣ Геокъ-Тепе? спросилъ я адъютанта.

— Какъ же, былъ.

— Хорошо дрались текинцы?

— Молодцами. Они очень храбры. Кромѣ того, дорожатъ своими убитыми братьями и убираютъ тѣла, прежде чѣмъ кончится сраженіе.

Я посидѣлъ у адъютанта нѣсколько минутъ. Въ кибиткѣ, отведенной для меня, я засталъ Грунева. Онъ лежалъ въ постели и читалъ. Вѣтеръ съ каждой минутой становился сильнѣе и порывистѣе; кибитка наша скрипѣла. Я пожелалъ Груневу спокойной ночи и не успѣлъ вернуться въ одѣяло, какъ сильный порывъ вѣтра снесъ верхъ нашей кибитки. Мы очутились подъ открытымъ небомъ. Вѣтеръ рвалъ и металъ все, что ему ни попадалось. Солдаты выбѣжали изъ кибитокъ и бросились ловить свои вещи, прыгавшія по землѣ. „Ивановъ, лови сюртукъ!“ „Самоваръ держи!“ слышалось въ одномъ мѣстѣ. „Эхъ, братцы, шапку унесло!..“ кричалъ кто-то. „Ай да Теке!“ говорилъ солдатикъ въ рубашкѣ, гоняясь за тюфякомъ.

Къ двумъ часамъ ночи вѣтеръ наконецъ стихъ. Солдаты поправили кое-какъ нашу кибитку, закрѣпили веревки, такъ что уже разсвѣтало, когда я заснулъ.

На слѣдующій день я одѣлся въ походную парадную форму и представился командиру полка. Въ кибиткѣ, устланной и увѣшанной коврами, меня встрѣтилъ средняго роста толстый полковникъ съ одутловатымъ лицомъ.

— Я васъ уже назначилъ въ роту, сказалъ онъ. Съ первымъ удобнымъ случаемъ извольте отправиться въ Геокъ-Тепе.

Укрѣпленіе Бами состояло изъ множества кибитокъ, палатокъ, лазаретныхъ наметовъ и отдѣленія Краснаго креста. Въ немъ сосредоточивалась значительная часть Закаспійскаго отряда, какъ въ пунктѣ болѣе близкомъ къ Геокъ-Тепе. Бами расположено по склону хребта, въ мѣстности безплодной и усѣянной камнями. По укрѣпленію протекала канава съ мутной водой, что казалось здѣсь роскошью, а въ одномъ мѣстѣ надъ ней стояли три засохшія дерева.

Я по цѣлымъ днямъ просиживалъ съ Груневымъ у Янкеля, который держалъ шинокъ, а въ шинкѣ была приманка для офицеровъ—бильярдъ, единственный на всю Закаспійскую область. Другіе жидки, — а ихъ было здѣсь какъ мухъ, — не догадались привезти бильярда, а потому ихъ шинки не были такъ оживлены, какъ шинокъ Янкеля. Немало привлекала публику и личность самого Янкеля. Высокій, худой, сутуловатый, съ большимъ носомъ, загнутымъ внизъ, на подобіе клюва хищной птицы, съ длинными, черными съ просѣдью пейсами, вившимися во впалымъ и блѣднымъ щечамъ, съ большими стеклянными глазами, всегда зорко глядѣвшими изъ-за бѣлыхъ очковъ, съ длинными бровями и длинной бородой, Янкель, несмотря на преклонныя лѣта, съ удивительнымъ хладнокровіемъ переносилъ насмѣлки, сыпавшіяся

часто отъ публики на жидовскую націю. Онъ никогда не ходилъ беспокоить начальство просьбами, даже и тогда, когда иной разъ сыны Марса, увлеченные винными парами, бросали въ него бутылками. За это Янкель получалъ гешефты, и капиталы его невѣроятно росли.

Въ шинкѣ Янкеля собирались исключительно офицеры. Шинокъ имѣлъ видъ длиннаго шатра, крытаго камышемъ, черепицей, полотномъ и чортъ знаетъ чѣмъ. Надъ шиномъ былъ нарисованъ бокъ барана съ тремя воткнутыми въ него вилками, лачей во фракъ и стулъ. Внизу надпись: „Гостинница Америка“. Внутри шинокъ отличался неопрятностью, а продукты, кромѣ ржавыхъ сардинокъ и селедокъ, имѣвшихъ особенный специфическій запахъ, пахли свѣжей солдатской подошвой.

Офицеры обыкновенно собирались въ шинокъ, чтобы чѣмъ нибудь убить свободное время. Они играли на бильярдѣ, пили прескверный лимонадъ, пиво, вино, водку, и заѣдали шашлыккомъ, который поставлялъ въ шинокъ извѣстный на все Бами поваръ Хамхаридзе — уроженецъ Тифлиса, впоследствии оказавшійся бѣглымъ каторжникомъ.

Какъ-то вечеромъ я возвращался изъ шинка домой. Солдаты только что поужинали и пѣли пѣсни; гдѣ-то слышалась музыка, играли вальсъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до кибитки, я встрѣтилъ Грунева. Онъ казался встревоженнымъ и лицо его было блѣдно.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Сейчас, — онъ указалъ при этомъ рукой на палатку неподалеку, — застрѣлился тутъ офицеръ.

— Не знаете, что за причина?

— Проигралъ въ штосъ казенныя деньги.

Самоубійства въ отрядѣ были не рѣдки.

Черезъ день я выступилъ съ транспортомъ изъ Бами въ Геокъ-Тепе. Дорога пролегла по скату хребта, и съ возвышенности открывался печальный ландшафтъ: необозримая песчаная степь и на ней кой-гдѣ развалины. Дорога отъ Бами интересна по историческимъ воспоминаніямъ. На пути встрѣчались развалины древнихъ городовъ, старинныя кладбища и башни, остатки когда-то цвѣтущей цивилизаціи. Нѣкогда кипѣла здѣсь могучая жизнь, цвѣли города. Что же осталось отъ эпохи, когда страна эта была гордостью могущественной монархіи? Что осталось отъ цвѣтущихъ городовъ, отъ плодоносныхъ полей и нивъ, орошаемыхъ искусственными каналами, отъ великолѣпныхъ шоссеиныхъ дорогъ, отъ памятниковъ архитектуры? Одиѣ жалкія руины, гдѣ

мѣсто человѣка заняли гиены и шакалы, одни знойные пески, гдѣ царствуетъ ураганъ. Вниманіе привлекали громадные земляные курганы, встрѣчавшіеся почти у каждаго разрушеннаго городища.

Одни изъ нихъ очень стары, другіе строили не сами текинцы, а находившіеся у нихъ въ плѣну персы. Курганы были важны въ военномъ отношеніи, какъ пункты оборонительные. Большая часть находилась не вблизи горъ, а среди знойныхъ песковъ. Слѣдовательно, была здѣсь когда нибудь плодородная почва, воздѣланная трудами рукъ человѣческихъ.

Всю дорогу солнце палило невыносимо. Транспортъ медленно подвигался, а въ полдень, въ самый зной, я сбѣжалъ привалъ въ узкой ложбинѣ, гдѣ протекала мелкая рѣчка. На правомъ берегу ея, около невысокаго бугра, росли три дерева съ поблекшими листьями. Они стояли, опустивъ печально вѣтви, точно раздумывали: зачѣмъ и кто занесъ ихъ сюда, гдѣ вокругъ бесплодная и безлюдная пустыня?

Я пошелъ съ Груневымъ осмотрѣть развалины, по близости. Вдругъ мы замѣтили, какъ изъ-за бугра появилась фигура мальчика и потомъ поспѣшно спряталась за тотъ же бугоръ.

— Здѣсь, вѣроятно, аулъ текинцевъ, сказалъ Груневъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть текинцевъ. Я быстро направился къ тому мѣсту, гдѣ показалась фигура мальчика. Переправясь въ бродъ черезъ рѣку, мы вошли на косогоръ и увидѣли подъ нимъ заброшенную мельницу и два валявшіеся каменные жернова. Около мельницы стояла кибитка, покрытая оравною, закопченою полостью. Мохнатая бѣлая собака съ лаемъ выбѣжала къ намъ. Изъ дверей кибитки боязливо выглянуло маленькое, смуглое личико, но поспѣшно скрылось. Мы долго ждали, никто не выходилъ; сами же мы не рѣшались войти въ кибитку. Скоро показался вдали мужчина высокаго роста, съ худымъ смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ рѣдкой бородкой въ большой черной папахѣ, бѣлой широкой рубашкѣ, широкихъ бѣлыхъ штанахъ и въ чевякахъ на каблукахъ. На одномъ плечѣ его лежалъ ситцевый полосатый халатъ. Текинцевъ подошелъ къ намъ и слегка приподнял свою высокую папаху.

Нѣсколько минутъ мы стояли молча. Въ это время, изъ кибитки выбѣжали двое дѣтей. Одинъ изъ нихъ былъ мальчикъ, котораго мы видѣли на бугрѣ, другая — дѣвочка. Дѣти взглянули на насъ исподобья, подбѣжали къ отцу и прижались къ нему.

Дѣвочка была прехорошенькая. Ея маленькое смуглое личико, большіе черные блестящіе глаза, окаймленные тонкими бровями,

прямой маленькой носъ, розовыя крупныя губки и черныя волосы очень красили ее, несмотря на оборванное коротенькое платье и на босыя грязныя ноги. Въ ушахъ ея мотались большія, полукруглыя серебряныя серьги, на груди висѣли нити, унизанныя серебромъ.

Я подаль текинцу нѣсколько серебряныхъ абазовъ. Онъ взялъ, посмотрѣвъ на нихъ и, улыбувшись, отдалъ дѣвочкѣ. Та быстро сжала деньги въ рукѣ и съ удивленіемъ взглянула на насъ. Текипецъ подошелъ къ высокой башнѣ, пролѣзъ въ нее сквозь узкое отверстіе и скоро вернулся съ нѣсколькими пучками скрученнаго зеленоватаго сѣна. Онъ подаль ихъ мнѣ и приложилъ руку къ груди. Я понялъ, что это была благодарность за абазы и, хотя не имѣлъ лошади, взялъ пучки, чтобы не оскорбить чувства текинца.

Когда мы возвратились на мѣсто привала, я приказалъ транспорту выступать. На слѣдующій день, часовъ въ одиннадцать утра мы подходили къ Геокъ-Тепе.

VIII.

Видъ Геокъ-Тепе. — Лагерь. — Скобелевъ. — Осмотръ крѣпости. — Походные журъ-фиксы. — Базаръ. — Встрѣча съ Михайловымъ. — Проводы батальона. — Панихида.

Когда я увидѣлъ среди песчаной равнины высокой курганъ, на которомъ побѣдоносно развѣвался русскій флагъ, высокая, съ опрысканными крѣпости Геокъ-Тепе, ряды заурѣпленій, въ видѣ узкихъ и длинныхъ стѣнъ, насыпи, обратскія могилы съ высокими крестами, и събрующая туча, висѣвшая надъ крѣпостью, и, въ унылую, необозримую даль, — неизъяснимое чувство охватило меня, и я доложилъ о немъ Скобелеву. Глазъ мой отъ того мѣста, гдѣ такъ недавно лилась человѣческая кровь. Въ самомъ воздухѣ, окружающемъ крѣпость, было еще что-то страшное. Даже солнце, казалось, не хотѣло освѣщать унылаго мѣста, и бросало лучи на опустошенную, лежавшую вблизи горъ, гдѣ бывъ расположенъ лагерь отряда. Изъ лагерь неслись звуки музыки, дѣньки и ржаніе лошадей; гдѣ-то кричали: «ура!»

Въ Геокъ-Тепе я разстался съ Груцевымъ. Ютъ поотправился въ полкъ по назначенію, а я, сѣвъ въ транспортъ воинскому начальнику, помѣстился на время у знакомаго офицера. Это былъ добрый, довѣрчивый и неглупый отъ природы малый, но, въ сожалѣнію, безпечный и притомъ глубокой почитатель Бахуса. Онъ, од

раскрылъ передо мной вещи, приобретенныя имъ послѣ взятія Геокъ-Тепе. Тутъ были ковры, серебряные и золотые браслеты, серьги и другія текинскія украшенія; халаты, перстни съ красными сердоликами и бирюза. Работа, кромѣ ковровъ, не отличалась изяществомъ. Послѣ завтрака, мы поѣхали верхомъ осматривать крѣпость. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ лагеря, мы увидѣли двухъ офицеровъ высокаго роста, гулявшихъ взадъ и впередъ по батарее.

— Вотъ Скобелевъ, сказалъ офицеръ, указывая на одного, лица котораго я, къ сожалѣнью, не могъ рассмотреть, потому что его скрывалъ длинный козырекъ фуражки. Но по бѣлымъ георгиевскимъ крестамъ, висѣвшимъ на шеѣ и на груди, я догадался, кто изъ нихъ былъ Скобелевъ.

Крѣпость Геокъ-Тепе примыкала къ высокому кургану и представляла видъ небольшого четырехугольника, замкнутаго толстыми стѣнами. Внутри крѣпость была завалена осколками гранаты, кусками обугленнаго войлока и разнымъ тряпьемъ. Кромѣ того, въ землѣ были ямы, гдѣ также жили текинцы.

— Ихъ особенно трудно выбивать отсюда, говорили офицеры:— здѣсь большею частью прятались женщины и дѣти.— Нѣсколько текинцевъ стояли на стѣнѣ съ лопатами въ рукахъ. Мы подъѣхали къ нимъ и увидѣли часть туловища убитой женщины, только что отрытой ими. Надъ ней рыдалъ молодой текинецъ, поднимая къ небу руки. За крѣпостью, около песковъ, было множество текинскихъ могилъ, облитыхъ известью. Въ воздухѣ носился слабый запахъ разлагающихся тѣлъ.

На обратномъ пути въ лагерь, я проѣзжалъ черезъ цѣлый рядъ параллелей*), съ которыхъ велась постепенная осада крѣпости. Теперь онѣ были засыпаны землей. Изъ земли кой-гдѣ торчали то почернѣвшіе пальцы, то плечо, то части ногъ убитыхъ, что производило тяжелое впечатлѣніе. Мы прищипорили лошадей и поскакали въ лагерь.

Скучная лагерная жизнь разнообразилась въ Геокъ-Тепе походными „журъ-фиксами“. Это особеннаго рода вечеринки, куда стекаются офицеры. Время проходитъ весело: играютъ въ карты, ѣдятъ, пьютъ, спорятъ, поютъ до самаго разсвѣта, а иногда и до долѣ. Я попалъ на одинъ изъ такихъ журъ-фиксовъ. Въ кибиткѣ, убранный коврами, собралось нѣсколько офицеровъ. „Бойцы, при звонѣ веселомъ стакана, поминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“.

*) Длинные, узкіе рвы по грудь человѣка, обнесенные землянымъ валомъ.

Эхъ, жаль, господа, Морица, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: погибъ бѣднякъ ни за что.

А все капитанъ мѣстной команды подгадилъ, замѣтилъ другой: — не подайся онъ съ ротой назадъ и не свали свою вину на Морица, тотъ остался бы живъ.

И навѣрное, вѣшался въ разговоръ третій офицеръ: — а то Скобелевъ прямо сказалъ Морицу: „ты долженъ заслужить или георгиевскій крестъ, или деревянный“. Конечно, первая пуля и бачъ Морицу въ лобъ, вѣдь онъ впереди всѣхъ на штурмъ шелъ...

Въ это время оглушительное „ура!“ потрясло воздухъ. Затѣмъ на столъ влѣзъ одинъ изъ пировавшихъ и попросилъ выслушать его.

Все притихли.

Господа! началъ ораторъ: — вы знаете, что русскій поэтъ Тредьяковскій прославился тѣмъ, что сочинялъ по заказу оды на разные торжественные случаи. Между нами тоже есть Тредьяковскій.

Ораторъ на минуту смолкъ, а офицеры взглянули на высокаго, худаго блондина по фамиліи Тредьяковскій. Этотъ офицеръ былъ очень веселъ и съ безмысленно улыбающимся лицомъ поглядывалъ: то на оратора, то на офицеровъ.

Ораторъ продолжалъ:

— Закажемъ новому Тредьяковскому написать сейчасъ же оду на взятіе Геокъ-Тепе, да прогремить его имя на Руси, какъ и его однофамильца!

— Оду! оду! подхватили офицеры и обступили Тредьяковскаго.

Тотъ задыхался и, какъ видно, не могъ понять сначала, какую оду отъ него требуютъ.

— Пише же! крикнулъ ораторъ, подтолкнувъ Тредьяковскаго въ спину.

Тредьяковскаго усадили за столъ, дали ему въ руки карандашъ, положили передъ нимъ листъ бумаги, и для лучшаго вдохновенія поднесли стаканъ водки.

Тредьяковскій написалъ:

Шли мы, братья,

Подъ штурмъ Геокъ-Тепе.

О, русскій штыкъ!

Тредьяковскій бросилъ карандашъ и категорически заявилъ, что выдумать больше ничего не въ состояніи.

Офицеры тогда подхватили его, раскачали и хлопнули на

А за стѣнами нашей кибитки гремѣла музыка, кричали, ура! и раздавалась та лихая русская пѣсня, какую поетъ только русский человѣкъ въ минуту веселья.

На другой день, я пошелъ осмотрѣть базаръ, помѣщавшійся недалеко отъ лагеря. Базаръ имѣлъ видъ широкой улицы, застроенной по сторонамъ навѣсами, кибитками и палатками. Гдѣ шла дѣятельная торговля. Базаръ блестѣлъ пестротою костюмовъ. Тутъ были текинцы, пѣшие и верхомъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ, въ высокихъ папахъ, всѣ почти смуглыя, худощавые и высокіе, то съ короткими бородами, то безбородые; персы въ синихъ и бѣлыхъ бешметахъ, подпоясанныхъ разноцвѣтными кушаками, и хивинцы въ яркихъ красныхъ халатахъ.

Текинцы производили своею наружностью очень пріятное впечатлѣніе. Они гордо рассказывали по базару и походили болѣе на побѣдителей, чѣмъ на побѣжденныхъ. Въ нихъ нравилось такое сознание человѣческаго достоинства; не замѣчалось той змѣиной хитрой покорности, того лицемернаго обожанія побѣдителя, какою отличаются иные побѣжденные народы. Персы производили удручающее впечатлѣніе, особенно тѣ изъ нихъ, которые были въ плѣну у текинцевъ и освобождены Скобелевымъ послѣ взятія Геокъ-Тепе.

Когда я подошелъ къ одному плѣнному персу, старому и занорѣлому, одѣтому въ лохмотья, онъ бросился къ моимъ ногамъ, поднялъ къ небу руки и показалъ мнѣ ноги, на которыхъ ясно были замѣтны слѣды плѣней. Я далъ ему нѣсколько копѣекъ. Персъ послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй и облобызавъ землю.

На базарѣ лежали кучи ковровъ, изабранныхъ привѣтурмѣ, бѣлыя и красныя ковровыя дорожки, которыми текинцы въ торжественныхъ случаяхъ украшали свои кибитки, ковровыя сумки; бѣлыя, зеленыя и желтыя вышитыя шерками женскія нарядки, разноцвѣтныя халаты, серебряныя украшенія и тому подобныя текинскія богатства. Все это скушалось за безцѣнокъ у солдатъ: такъ, великолѣпный коверъ, стоившій рублей сто, покупался за нѣсколько рублей, за золотыя и серебряныя вещи торговцы платили по 50—70-ти копѣекъ.

Возвращаясь въ лагерь, я встрѣтилъ на дорогѣ офицера, съ которымъ разѣхался въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Мы поздоровались.

— Уже уѣзжаете? спросилъ я.

— Да, здѣсь больше нечего дѣлать. — Къ штурму я опоздалъ, но снялся съ тѣми, кто участвовалъ въ немъ. Вы можете купить фотографическую группу у здѣшняго фотографа, и тамъ увидите

меня. Я стою у лафета пушки, отбитой у текинцевъ. Можете поздравить меня: представленъ къ чину и ордену. А вы только прѣхали? Не хотѣли тогда со мной ѣхать, пренебрегли моимъ совѣтомъ; — теперь пеняйте на себя.

Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ руку; и мы разстались. Почти при входѣ въ лагерь, до меня донеслись звуки музыки. Я прислушался. Игнали маршь. Контробасъ рѣзко и выдѣлялся громкими, отрывистыми звуками; пистонъ-корнетъ визжалъ; глухо фальшивила волторна.

Батальонъ пѣхоты, выдѣ изъ крѣпости, построился въ рядовъ. Ожидали Скобелева. Вотъ показался вдали знаменитый генералъ. Батальонный командиръ скомандовалъ „на плечо“! затѣмъ: „на крауль!“ Музыка заиграла маршь. Скобелевъ съ привѣтливымъ лицомъ объѣхалъ ряды батальона, здороваясь съ ротами поочередно.

Какъ любяща дѣти смотрять на отца, такъ смотрѣли на Скобелева солдаты. Я могъ теперь хорошо видѣть черты его загорѣлаго лица и стройную фигуру. Скобелевъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ офицерамъ и каждому протянулъ руку. Въ немъ не было и тѣни заносчивой важности, присущей многимъ начальникамъ. Онъ приобрѣлъ любовь офицеровъ и солдатъ своимъ тактичнымъ обращеніемъ, и прежде всего уважалъ въ своемъ подчиненномъ его человѣческое достоинство. Такой удѣлъ достается только исключительнымъ натурамъ.

Скобелевъ подошелъ къ батальону и звучнымъ голосомъ произнесъ:

— Прощайте, обратцы!

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство, отвѣчали солдаты.

— Благодарю васъ за штурмъ Геокъ-Тепе; дай Богъ, чтобы вы вернулись въ свои деревни здоровыми.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

Нѣсколько солдатъ заплакали. Скобелевъ поцѣловалъ офицеровъ батальона, навѣсилъ нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ знаки отличія и, сказавъ еще нѣсколько напутственныхъ словъ батальону, уѣхалъ.

Долго смотрѣли солдаты вслѣдъ удалившемуся вождю, точно предчувствовали, что нѣкогда больше не увидятъ его.

Послѣдніе дни моего пребыванія въ Геокъ-Тепе были ознаменованы печальной телеграммой къ смерти императора Александра II-го. Войска по тревогѣ были собраны на панихиду.

На маленькой площади около орудія, отбитаго у текинцевъ, стоялъ нагой, покрытый трауромъ

Худой и блѣдный іеромонахъ совершалъ папихиду. Скобелевъ стоялъ на колѣняхъ впереди своей свиты. По его лицу струились слезы. Въ отдаленіи отъ наоя стояли солдаты, сложивъ ружья на молитву. По окончаніи папихиды, Скобелевъ съ грустнымъ, задумчивымъ лицомъ обошелъ войска и уѣхалъ.

Въ тотъ же день я получилъ приказанье выступить въ одиннадцатъ часовъ ночи съ транспортомъ въ Асхабадъ.

VIII.

Дорога отъ Геокъ-Тепе до Асхабада.—Сады.—Кибитки текинцев.—Текинецъ-проводникъ.—Видъ Асхабада.—Могила.—Отъѣздъ Скобелева.—Жизнь въ Асхабадѣ.—Базарь.—Дервишъ.—Долина розъ.—Отъѣздъ

Была великолѣпная звѣздная ночь, когда я съ транспортомъ выступилъ изъ Геокъ-Тепе въ Асхабадъ. Дорога лежала по зеленому полю, кой-гдѣ блистали лужи воды, да слѣва чернѣлъ горный хребетъ. Тишина царила вокругъ, только звонко квакали лягушки, да съ песковъ доносился вой шакаловъ. Верблюды шли бодро по рыхлой почвѣ, позванивая колокольчиками, висѣвшими у нихъ на шеѣ. Сзади транспорта шли солдаты, тихо бесѣдуя между собой. Я ѣхалъ верхомъ и смотрѣлъ на свѣтлый край горизонта, откуда должна была взойти луна. Она вскорѣ всплыла на серебристо-голубую высь неба. Впереди стлалась густая зелень и воздухъ былъ чистый. Я сдѣлалъ привалъ у заброшенной медницы, возлѣ узкой, но глубокой канавы. Подъ нею текла мутная вода, а по берегамъ росли вербы. Стая дикихъ гусей испуганно слетѣла съ деревьевъ при нашемъ приближеніи, тихо разсѣкая воздухъ крыльями, скрылась въ темнотѣ. Я прилегло на бугрѣ. Солдаты развели костры, текинцы пустили верблюдовъ на пастбу и совершали намазъ. Дождавшись разсвѣта, я приказалъ транспорту двинуться впередъ.

Дорога шла по зеленому цвѣтущему оазису, среди садовъ и развалинъ. Сады, черезъ которые приходилось идти, были полны аромата цвѣтущихъ яблоней, персиковъ и сливъ, журчали ручьи среди тѣнистыхъ туютовыхъ аллей, плантацій винограда; отъ нихъ расходились огороды, гдѣ всходила прошлогодній лукъ. Природа не блистала ни густою зеленью, ни яркостью красокъ, ни разнообразіемъ видовъ. Но въ ней было что-то свое прекрасное, обаятельное; она манила къ себѣ. Среди садовъ встрѣчались саманныя постройки, а въ нихъ стоя-

ли кибитки, гдѣ жили текинцы. Я подлюбопытствовалъ и вошелъ въ одну изъ кибитокъ. Саламалыкъ¹⁾ сказалъ я. — Амалыка²⁾, послышалось въ отвѣтъ.

На землѣ, покрытой ковромъ, сидѣли три женщины, двѣ изъ нихъ были старухи, смуглыя, худыя и некрасивыя, въ особаго покрая рубахахъ желтаго и краснаго цвѣта; третья—молодая, полная, съ круглымъ лицомъ и тонкими бровями. Женщины вышивали что-то разноцвѣтнымъ шолкомъ по бѣлому канаусу; неподалеку отъ нихъ сидѣла молоденькая дѣвушка со смуглымъ маленькимъ лицомъ, большими карими блестящими глазами и съ полуоткрытымъ маленькимъ ртомъ, изъ котораго сверкали замѣчательной бѣлизны ровные зубки. Она расчесывала свои черные волосы. У входа въ кибитку лежалъ текинецъ среднихъ лѣтъ и лѣниво курилъ кальянъ. Его я сначала не замѣтилъ. Возлѣ рѣшетокъ лежали мѣшки, наполненные мукой, рисомъ, бѣлымъ пшеномъ и инжой³⁾; сумки съ одеждою, большіе плоскородные деревянные тазы и мѣдные кувшины. По кибиткѣ было разбѣшено оружіе. При моемъ появленіи, женщины бросили работы и оустремили на меня неподвижный взглядъ; текинецъ спокойно продолжалъ курить кальянъ. Если русскій войдетъ въ саклю чеченца, видѣ въ числѣ мужчинъ находятся женщины и дѣвушки, то послѣднія прячутъ свои лица. Ничего подобнаго я не встрѣтилъ у текинцевъ. Напротивъ, дѣвушка текинка смотрѣла на меня полнымъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ, а женщина и старухи встали и подошли ко мнѣ. Онѣ съ любопытствомъ дикарокъ и ничуть не стѣняясь стали разсматривать матерію моего кителя, дѣлали свои замѣчанія, хлопали меня по плечу и смѣялись. Въ другой кибиткѣ я засталъ бѣдную обстановку. Полости, обдѣвающія кибитку, были ветхи. На землѣ вмѣсто ковра разостланы куски кошмы. Внутри кибитки тлѣлся огонь, а надъ нимъ висѣлъ котелокъ съ водою. Тѣдкій дымъ наполнялъ кибитку и выходилъ черезъ круглое небольшое отверстіе, продѣланное въверху. На колѣняхъ старухи лежала голова пожилой женщины, и старуха такъ усердно занималась истребленіемъ насѣкомыхъ, что не замѣтила меня. Трое дѣтей босоногихъ, грязныхъ и оборванныхъ сидѣли у костра. Я постоялъ немного и вышелъ. Мнѣ пришлось передѣзать черезъ множество саманныхъ изго-

¹⁾ Здравствуй.

²⁾ Будь гостемъ.

³⁾ Трава, которою кормятъ лошадей текинцы.

родей (которыя, вѣроятно, дѣлили сады на участки), чтобы догнать транспортъ, который шелъ по дорогѣ.

Время клонилось къ полудню, а Асхабада не было видно. Съ безоблачнаго неба палило немилосердное солнце. Караванъ нашъ медленно двигался. Мое вниманіе привлекли черепахи, въ огромномъ количествѣ ползавшія по землѣ.

— А ну, братецъ, обратился я къ солдату,—поймай мнѣ черепаху.—Я хотѣлъ разсмотрѣть это животное, такъ какъ въ первый разъ его видѣлъ.

— Это, ваше благородіе, отвѣтилъ солдатъ,—поганое животное, его грѣхъ въ руки брать.

— Почему?

— Сказывали на деревнѣ: если взять въ руки черепаху, то себѣ на несчагіе.

Вообще солдатъ смотрѣлъ на черепахъ съ особеннымъ отвращеніемъ и даже плевалъ на нихъ. Наружный остовъ черепахъ былъ зеленый, а нижній бѣлый. Они, при малѣйшей опасности, останавливались и прятали подъ твердый остовъ свою черную голову и оконечности.

Въ эту минуту, ко мнѣ подъѣхалъ на длинномъ, тонкомъ конѣ текинецъ-проводникъ и сказалъ:

— Ашхабадъ.

При этомъ онъ указалъ рукой впередъ. Но я, кромѣ горы, ничего не видѣлъ. Я позвалъ переводчика, солдата изъ казанскихъ татаръ, и приказалъ ему спросить проводника: „гдѣ и скоро ли Асхабадъ“.

Тогда текинецъ слѣзъ съ лошади, слѣзъ на дорогѣ и началъ строить изъ песку бугорокъ. Затѣмъ онъ указалъ рукой на свою модель. Я понялъ, что его модель изображала гору, и одобрилъ его сметливость. Затѣмъ текинецъ взялъ нѣсколько камней, положилъ у подошвы своей модели и сказалъ съ нѣкоторою торжественностью въ голосъ: „Ашхабадъ“.

Я теперь догадался, что Асхабадъ расположенъ у подошвы той горы, которая отрывалась моему взору.

— Йхши, кунакъ! сказали солдаты, все время съ глубокимъ вниманіемъ слѣдившіе за тѣмъ, что слѣпить изъ песку шайтанъ. Этимъ словомъ солдаты называли всѣхъ вообще инородцевъ.

Текинецъ-проводникъ не обманулъ меня. Черезъ часъ времени я увидѣлъ громадный курганъ. Отъ кургана стлалась къ горѣ широкая и густая полоса зелени, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе рѣдѣла и, наконецъ, переходила въ зеленое холмистое поле. Кой-гдѣ сквозъ зелень бѣгли палатки нашего лагеря и блестяли дула орудій.

Я сдѣлалъ маленькій привалъ, чтобы дать передохнуть солдатамъ. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ дороги, я замѣтилъ маленькіе бугорки, слѣпленные изъ глины съ двумя отверстіями на концахъ. Текинцы объяснили, что въ одно изъ отверстій они кладутъ табакъ, потомъ нагибаются къ землѣ и, черезъ другое отверстіе, курятъ его. Такія трубки текинцы употребляютъ большею частью во время переходовъ по пустынь.

Въ Асхабадѣ я слалъ транспортъ воинскому начальнику и остался дожидаться прихода войскъ. Скоро въ Асхабадѣ собрался весь отрядъ, разбросанный по укрѣпленіямъ Михайловской линіи. Приѣхалъ и Скобелевъ со своимъ штабомъ. Кибитки офицеровъ и солдатъ были раскинуты въ садахъ, въ тѣни абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Дни слѣдовали одинъ за другимъ. Иногда перепали крупныя дожди, и тогда омытая свѣжестью зелень становилась еще гуще. Звонкіе голоса птицъ и стрекотанье мирады кузнечиковъ оглашали сады, гдѣ между высокой и густой травой росли пѣлыя плантаціи винограда, наполняющія воздухъ особеннымъ благоуханіемъ; цвѣли одуванчики, полевые тюльпаны, голубые колокольчики и красный макъ. Приятно было отдыхать среди такой природы, послѣ трудныхъ переходовъ по знойнымъ пескамъ.

Пришелъ и Груневъ въ Асхабадъ. Мы съ нимъ прогуливались по окрестностямъ, собирали букеты, посѣщали кибитки и кладбища текинцевъ. Послѣднія ничѣмъ не замѣчательны. Только надъ могилами храбрыхъ и мучъ возвышались саманные куполы. Я какъ-то съ Груневымъ хотѣлъ войти въ одну изъ такихъ могилъ. Но текинцы, бывшіе по близости, замѣтили наше намѣреніе и отчаянно замахали руками, чтобы мы туда не заходили.

Въ то время, какъ гарнизонъ Асхабада приступалъ къ возведенію баракровъ, а текинцы и персы рыли громадный ровъ для укрѣпленія Асхабада, мы были опечалены извѣстіемъ объ отъѣздѣ Скобелева. Онъ получилъ въ то время назначеніе—командовать корпусомъ въ западномъ краю. На полянѣ передъ укрѣпленіемъ были выстроены войска въ боевой амуниціи. Въ десять часовъ утра прибылъ Скобелевъ. Войска отдали любимому вождю установленную честь. Скобелевъ поблагодарилъ кавказскія войска за отличную храбрость, оказанную ими при штурмѣ Геокъ-Тене. «Я съ гордостью буду говорить въ Россіи, что имѣлъ счастье командовать полками кавказской арміи». Затѣмъ Скобелевъ обратился къ офицерамъ и въ заключеніе своей краткой рѣчи

сказаль: «Счастье измѣнчиво, господа. Пишите мнѣ, когда я буду кому нибудь изъ васъ нуженъ».

Съ этими словами Скобелевъ отвѣсилъ поклонъ и уѣхаль.

Асхабадъ началъ мало по малу застраиваться. Жизнь въ немъ не казалась скучной. Базаръ представлялъ интересъ и въ археологическомъ отношеніи. Здѣсь персы продавали серебряныя и мѣдныя монеты временъ Александра Македонскаго. Кромѣ того, встрѣчались древнѣйшія еврейскія монеты. За одну изъ такихъ монетъ съ меня запросили тридцать рублей, хотя другія продавались дешевле.

— Гдѣ вы достаете эти монеты? спросилъ я торговца археологическими древностями.

— Въ могилахъ и курганахъ, сказаль персь.

Базаръ служилъ и мѣстомъ увеселеній для всего отряда. Здѣсь была гостиница, гдѣ персы показывали свое искусство: глотали огненные шары и устраивали игры, нѣсколько напоминающія англійскіе боксы. На базарахъ часто продавали дикихъ звѣрей: барсовъ, молодыхъ тигровъ, дикобразовъ, зайцевъ, отличающихся отъ нашихъ замѣчательно маленькимъ ростомъ, кабановъ, сернъ и пѣвчихъ птицъ. Все это служило приманкой для публики.

Я прожилъ въ Асхабадѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ половинѣ лѣта откомандированъ обратно въ свою часть. Передъ отъѣздомъ я посѣтилъ еще одно замѣчательное мѣсто: долину розъ.

Мы отправились верхомъ въ сопровожденіи текинца, который вызвался провозжать насъ. Сначала мы ѣхали вдоль ручья, по берегамъ котораго росъ высокій зеленый камышь. Потомъ переѣхали невысокій хребетъ, усѣянный тоже камышами. У подошвы его было много родниковъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ, краснѣла долина розъ. Вѣтерокъ доносилъ очаровательный ароматъ. Я полною грудью вдыхаль его и прищипорилъ лошадь, чтобы скорѣе достигнуть роскошнаго мѣста. Невысокая гора, покрытая густою зеленью, спускалась къ долинѣ, журчали ручьи, пѣли тысячи птичьихъ голосовъ. Съ противоположной стороны, къ горѣ примыкали саманныя развалины; чѣмъ-то ветхозавѣтнымъ вѣяло, отъ нихъ. За долиной розъ стояло нѣсколько кибитокъ текинцевъ далѣе виднѣлись сады, полосы вспаханной земли съ яркою зеленью, тамъ опять поле и гора. Это былъ по истинѣ рай, не доставало только въ немъ счастья и мира.

Былъ жаркій день, когда я выѣхаль изъ Асхабада. До Кизиль-Арвата мы ѣхали въ фургонѣ, а потомъ по желѣзной дорогѣ къ Михайловскому заливу. Мы переѣхали старое русло Аму-

Дары, довольно широкое и обмелѣвшее; далѣе дорога шла по бывшему когда-то дну моря. Множество раковинъ встрѣчалось по пути. Скоро блеснула полоса воды. Это былъ Михайловскій заливъ.

Сильно забилося сердце, когда я увидѣлъ снова Петровскъ. Красивымъ показался онъ мнѣ среди густой зелени, только что омытой дождемъ. Я стоялъ на палубѣ и любовался городомъ, ожидая съ нетерпѣніемъ той минуты, когда шхуна „Тамара“ причалитъ къ пристани.

А. В—въ.